

ДИАНА
ХАНТ

16+

Крылатая Парусами

Диана Хант

Крылатая парусами

«Автор»

2019

Хант Д.

Крылатая парусами / Д. Хант — «Автор», 2019

Мир Киаран Бэхингем рушится, как карточный домик, когда семью обвиняют в измене. Вот только сдаваться и плыть по течению Киаран не умеет. Для мести нужна помощь графа де Янн, сурового отшельника с острова Сторм? Она хорошо заплатит. Цена, которую требует граф, неприемлема для леди? Хорошо, что она больше не леди. Какое сердце? У неё больше нет сердца. Или... есть?

© Хант Д., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Часть I. Присказка	15
Глава 1	15
Глава 2	20
Глава 3	26
Часть II. Жестокая сказка Киаран	31
Глава 4	31
Глава 5	35
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Диана Хант

Крылатая парусами

Пролог

Дыхание ночи облизало беззащитную кожу прохладным языком, отчего по телу побежали мурашки. Успевшая привыкнуть к температуре воды, Киаран зябко повела плечами. Вылезая на берег, втянула следом непромокаемый свёрток.

У неё есть только одна попытка.

Предстань она пред очи лорда Сторма насквозь промокшая, как облезлая кошка, и можно даже не надеяться на удачу, которая итак от неё отвернулась. Этой ночью Киаран не жалость нужно в графе пробудить, и уж точно не чувство юмора.

Наскоро смахнув с себя дрожащие в лунном свете капли воды, оглянулась назад, на чёрную гладь моря. Спокойная, мерно вздымается, как грудь спящего ребёнка, а поверхность красиво прошита нитями звёзд.

Поодаль, где посеребренные луной воды сливаются с густым ночным сумраком, маячат чёрные тени. Алекс и Джон – призраки, «проклятые моряки», далеко от корабля отойти они не могут.

– Со мной всё будет в порядке, – прошептала в темноту Киаран и рукой помахала.

– Ого! Бушприт твою в компас! – раздалось из-за спины хриплое.

Молниеносно упав на прохладную гальку и откатившись в сторону, Киаран обернулась. Убедившись, что угрозы нет, тут же вскочила на корточки, а затем распрямила колени.

Груда камней в десяти шагах сопя, шевелилась. По мере шевеления в ней вырисовывались очертания лежащего на боку человека в наехавшей на глаза зюйдвестке. Тот не шумел, только неловко порывался перевести непослушное тело в положение сидя и протереть глаза. Судя по терпкому запаху перегара, врезавшегося в ноздри Киаран, отчего она поморщилась, бедняге приходилось несладко.

– Ты кто? – выпивоха, с усилием моргая и щурясь, пялился на обнажённую фигурку, посеребренную луной, которая тихо, неспешно приближалась с грацией дикой кошки. – Русалка? Сирена? Чур меня, чур! Или гулящая? – интонации морячка сразу сделались масляными, торжествующими. – Из этих, что ли, от мандам Жужу? Ты не думай, дядя Осьминог не обидит, мачту мне в зад!

Представшая в лунном свете обнажённая дева и не думала пугаться. Молча приблизилась, склонилась над ним, отчего груди её качнулись. А потом из горла бедняги вырвался полухрип-полустон, он тыкнул пальцем воздух перед собой, указывая на её плечо.

Киаран цокнула с досадой. Ну да, клеймо там, магическое, светится, ну так это не повод вот так вот тарашиться и глаза пучить.

– Я – никто, – тихо проговорила она и протянула руки к шарахнувшемуся назад мужику.

Прохладные пальцы коснулись шеи и не успел выпивоха сообразить, что к чему, мягко нажали нужную точку. Тот, сквозь отблески рассудка да хмельной угар, пытался, конечно, её руки оттолкнуть, ногами сучил, но было поздно. Ещё пару раз дёрнулся, а после снова в сон провалился. Глубже, чем до этого.

Тихо ступающая по чёрному берегу обнажённая дева сон его уже не тревожила.

Не тратя больше времени, Киаран распаковала свёрток и принялась облачаться.

Зауженные книзу, обтягивающие голень портки, следом сапоги на шипастой подошве, галька за ночь остыла, зябко стоять. Затем нижнюю сорочку, рубаху до середины бедра, жилет на шнуровке и короткий плащ с капюшоном.

Оружие пришлось на корабле оставить. Визит доброй воли, как же.

К тому времени, как ди Лшеай и ди Сервантес подгонят лодку, уже светать будет. И граф де Янн должен возжелать утренней прогулки. И только от неё, от Киаран зависит, возжелает, или нет.

От помощи и тем паче охраны наотрез отказалась – Сорм, как и остальные острова Грозового архипелага хорошо охраняется. Люди графа Рока де Янна вооружены до зубов и их так много, что муха не пролетит.

Чтобы выискать слабые места в обороне, а именно эту небольшую бухту, которая со стены не просматривается, делали так: выдвигались в лодке вместо с Джоном и Алексом, призраки, сколько могли облетали территорию и докладывали. Жестами, конечно, на то они и призраки.

Спрятав непромокаемый мешок под валуном, Киаран легко вспрыгнула на него, там на другой, на следующий, а потом вскарабкалась по отвесной стене, как кошка.

– Э-э... ты откуда взялся? – часовой, растяпа, вместо того, чтобы выстрелить сигнальной ракетой, присматривался к хрупкой фигурке в капюшоне. У Киаран бы на службе такой не задержался. – ...Взялась? Стена-то гладкая.

Киаран даже умилилась такой наивности.

– Гладких стен не бывает, – сказала она прежде, чем вырубить и этого.

«Сняв» таким образом ещё троих, спрыгнула по другую сторону стены. Торопливым шагом прошла по узким, вымощенным крупной галькой, улочкам. Когда встречались случайные прохожие, жалась к домам, в их тени стройный силуэт в плаще становился почти невидимым.

Один раз, правда, нарвалась на целую компанию подвыпивших гуляк. Когда Киаран проходила мимо, они, как горох, высыпались из распахнувшихся настежь дверей. Внутри было светло, слышался женский смех и музыка. Не это ли то самое заведение мадам Жужу, о котором говорил выпивоха на пляже? Должно быть, оно.

– Куда спешишь, цыпочка? – крикнули ей в спину. – А ну, подожди! Посластимся, побалуемся!

Шагу Киаран, конечно, не сбавила, а преследовать не стали, видно, набаловались вдоволь в ночном заведении.

Попетляв ещё по узким улочкам, Киаран, наконец, безошибочно вышла к стене, окружающей замок-башню.

Вскинув голову, цокнула языком. Вон, на самом верху горит свет. Стало быть, граф де Янн и не думает спать. Что же? Кого-то ждёт?

Жизнь научила Киаран думать, прежде, чем действовать. Выжидать. Этим она и занялась. Вместо того, чтобы кошкой взобраться и по этой стене и сражаться с часовыми, которых здесь больше и каждый – на обозрении, решила выяснить, с кем у графа де Янна столь поздняя встреча. Вжавшись спиной в выемку в стене, затаилась. Ждать пришлось недолго. Спустя четверть часа в ворота постучали.

Смотровое окно со скрежетом поднялось и недовольный мужской голос пробасил:

– Кого это там принесло?

В ответ раздался деланно смущённый женский смех и чувственный шёпот.

– К господину... от мадам Жужу...

– А, ну это другое дело. Проходите, ляди. То есть, я хотел сказать, леди.

Затвор лязгнул, железная дверь распахнулась внутрь. Раздался шелковый шелест юбок и плащей, и две тени скользнули внутрь.

Больше Киаран ждать не стала. Момент – лучше и не придумаешь.

Стоило тяжелым шагам стражника и хихиканью девиц стихнуть, решительно взялась за кольцо и, выдохнув, осторожно постучала. Так, чтобы вышло робко.

Пока изнутри ругались, что всю ночь нет покоя, сетовали на ревматизм и поднимали оконце, сбросила капюшон плаща, помотала головой, торопливо выудила из причёски пару завитков и пустила их вдоль шеи. Сама, опять же, поближе подошла.

В такое маленькое окошко видно будет, что стоит у ворот девица, а что в непривычном для девицы наряде – никто сразу и не углядит.

– Тебе чего, дева? – разглядев в темноте юное, миловидное личико, беззащитные кудряшки, прыгающие по плечам, стражник ругаться перестал. Правда, смотрел по-прежнему неодобрительно. Ничего, это решаемо.

Глупо хихикнув, Киаран приблизила губы к окошку и томно проговорила:

– От мадам Жужу... К господину прислали.

– Вот как? – отпирая дверцу, стражник крикнул. Должно быть, разглядел необычный наряд Киаран. – Третья уже. Не много ли нашему господину, а, милаха? Может, твои товарки и вдвоём управятся, а мы тут и без них найдём, чем заняться, а?

И смачно шлёпнул по ягодицам, гад.

Если сразу Киаран думала изображать дурочку и настаивать, что «ай-ай, никак не можно, к господину надобно, мадам заругает...», то рукоприкладства над собой допустить не могла вовсе.

Так под дых врезала, что усатый стражник, крикнув, в стену с хрустом спиной вжался. А когда глаза у него выпучились, стало быть, сияние от клейма, что даже сквозь плащ просвечивает, заметил, поняла, не время любезничать. Вырубила прикосновением к шее, как и часовых, оттащила обратно в его же будку, а сама, стараясь семенить и вообще ступать неловко, спотыкаться (именно так странно отчего-то остальные женщины ходят, что леди, что шлюхи), двинулась по замковой аллее, догоняя девок мадам Жужу.

Девки в маленькой комнатке нашлись, почти что на самом верху башни. Туда Киаран, смачно чмокнув губами (но тронуть всё же не тронул), мальчишка-лакей направил.

Смазливые обе, разбитные, одна рыжая, в веснушках, а вторая блондинка. Для шлюх даже свежие, ни дать, ни взять селянки на выпасе. Им ещё посохи, увитые лентами да кружевные чепцы... И всё же пахло от девок не так. Сладко слишком, терпко, с мускусом. Так только от шлюх пахнет. Киаран этот запах на дух не выносила. В её-то замке дисциплина была железная. Побочный эффект отцовского весьма вольного в этом смысле образа жизни. Покойного герцога-то она боготворила. Обожала до крайности. Но не его ли разгульный образ жизни по сей день рваной дырой в груди свищет? Ладно, должно быть, одного-двоих братьев потерять, но чтобы столько, как она...

Отогнав ненужные мысли, Киаран прикусила губу до боли и потрянула головой. Не время сейчас предаваться воспоминаниям. Поважнее задача есть.

Когда она вошла и тихонько за собой дверь прикрыла, девки друг дружку от зеркала теснили. Рыженькая как раз мизинец в баночку с краской макала, и, поелозив пальцем по губам, их друг об дружку тёрла, чтобы помада легла ровнее. Она на Киаран покосилась недовольно, но ничего не сказала.

Блондинка же плечом дёрнула с раздражением и фыркнула.

– Ты чего? – спросила она плаксиво. – К господину *нас* прислали. Ты из новеньких что ли? Мадам тебя у филиппийских торговцев купила? Граф двоих заказывал, имей ввиду. Ты-то здесь зачем?

– Ой, да остынь, – ткнув товарку локтем в бок, протянула рыжая. – Не видишь, прислуга она, верно из новеньких. Эй ты, как тебя там, шнуровку помоги мне расслабить, так, чтоб господину сподручней было. А как к нему идти, мы и сами знаем, не первый раз здесь.

– Вот как, – уголком рта дёрнула Киаран и руки в бока упёрла. – Значит, знаете. И где же комната господина?

Блондинка фыркнула, оскорблённая таким недоверием.

– Проверяешь, значит? – вспыхнула она. – Да вон, через ту дверь и по лестнице. А там вторая дверь справа. Имей ввиду, я господину на тебя нажалуюсь, и тебя выпорют.

На секунду в глазах Киаран вспыхнула такая ненависть, что обе девицы невольно подались назад. Блондинка, похоже, так и не поняла, что чудом избежала серьёзной трёпки. Словами Киаран разбрасывать не любила и другим не давала.

А уж угрожать ей поркой...

Но рыжая её опередила.

– Ты оглохла? – капризно протянула она. – Сказано, со шнуровкой помощи, а потом пшла вон! Господин ждать не любит.

Губы Киаран растянулись в нехорошей усмешке.

– Как же, помогу, – тихо сказала она и, не мигая, пошла на девок.

Всё заняло не больше минуты. Это ведь даже не часовые. Рыжая, правда, зараза, за палец цапнула, пока Киаран ей тряпку в рот пихала, но Киаран была не в обиде. На её месте она бы мучительницу мало, что укусила, так ещё и в живот бы пнула.

Зато после картинка вышла, хоть маслом пиши.

Жаль, ни таланта, ни времени на то нет.

Обе девки с кляпами во рту, на который их собственные подола пошли, на стульях (пол-то холодный, а этим дурёхам ещё женским местом зарабатывать, а того гляди, и детишек рожать), спина к спине, связанные, испуганно вращающие глазами... чудо как хороши!

Киаран хмыкнула. Прежде чем пройти дальше по любезно предоставленному ей маршруту, тоже в зеркало заглянула. Да уж, сразу видно, что не из этих. Не из мадамских... Как бы граф сразу не распознал подделку, шум не поднял...

Потому что из зеркала на неё смотрела леди. Как есть леди. Пусть и загорелая лицом, как простолюдинка, а одета и вовсе пират-пиратом. Но всё же эту осанку, горделиво распрямлённые плечи и высокомерный взгляд даже чрезмерным пребыванием на солнце и корабельной одеждой не скроешь.

Что ж, граф де Янн. Посмотрим, отличите ли *вы* леди от шлюхи...

Граф нашёлся там, где и было указано.

Сидел в низком кресле у камина, спиной к двери.

Когда Киаран вошла и дверь аккуратно за собой прикрыла, причём на засов, головы даже не повернул.

Сразу отметила, что волосы у графа каштановые, густые. Свои. Париков, согласно последней моде, не носит, пудрой и салом голову не мажет. Судя по ширине плеч, что над спинкой кресла, комплекции он и вправду бычьей, не зря, значит, отшельника с Грозового архипелага Морским Быком зовут.

По правую руку от него низкий столик. На нём малахитовый кувшин тонкой, почти ювелирной работы, наполовину пустой уже, кубок да серебряное блюдо с устрицами. Губы сами собой растянулись в усмешке. Подготовился, значит, к весёлой ночи. Даже жаль, что облом мужику выйдет.

Ничего, у Киаран есть для бывшего корсара предложение получше.

По левую руку графа на столике в специальной подставке дымится трубка. Ну да аромат магридского табака Киаран ещё в коридоре учуяла. Такой же отец курил. Против табачного запаха она ничего против не имела, кроме, разве что, разрывающих душу и сердце воспоминаний. Но об этом ещё будет время подумать. А сейчас приглядеться бы, понять, что де Янн за человек.

Покои графа никак не были похожи на обитель отшельника. Впрочем, от этого сравнения Киаран отказалась ещё, когда поняла, что отшельник женского общества не чужд.

На полу – шкура чёрного медведя, так и переливается в отблесках каминного пламени и свечей в высоких канделябрах. На стенах – ковры в затейливых узорах, Киаран опытным взглядом сразу отследила, из Эрдоса. Тамошние умельцы настоящую золотую и серебряную нить используют для узора да шерсть высокогорных абисийских коз. Цена такого ковра размером с малую шняву будет. Валики, подушки с кистями, низкое, на половину покоев, ложе. Ну, да это понятно. Тут не то что втроём разместишься, смело можно хоть десяток девок с комфортом разложить.

– Наконец-то, – раздался голос графа. Головы он так и не повернул. – Лиззи?

Голос у отшельника де Янна оказался низкий, хриплый, насквозь просоленный, какие только у моряков бывают. Густой, крепкий, даже как будто бьющий в ноги и голову, как глоток филиппийского рома. Сразу понятно – привык командовать да приказы раздавать. Что ж, де Янн, поиграем...

– Нет, милорд, – она постаралась, чтобы голос звучал хрипло, с придыханием, и дрожал. Совсем чуть-чуть. Не то от робости, не то от радости. – Я новенькая.

– Гм, – граф по-прежнему не поворачивал головы, но всё же в его этом «гм» отчётливо прозвучало недовольство и скрытая угроза. Стало быть, не привык, чтоб его приказами пренебрегали. – Я заказывал Лиззи. Она хорошо знает, что мне нужно.

– Лиззи не здоровится. Издержки профессии, – нагло соврала Киаран, постаравшись подбавить робости в голос. А затем понизила его, договорила уже с придыханием. – Мадам посчитала, что у меня получится её заменить. И... доставить господину удовольствие...

Последовала пауза. Говорить с сидящими в её присутствии мужчинами, а тем более с их затылками Киаран не привыкла и начинала понемногу закипать. Но одёргивала себя, напоминала, что так надо для дела. Второго шанса у неё не будет.

– Ну что ж, новенькая, – недовольно произнёс граф своим низким, хриплым баритоном. – Посмотрим, что ты умеешь. Иди сюда, я не кусаюсь. Разомни-ка мне плечи.

Вот чего-чего, а прикасаться к графу де Янну или к кому-то ещё, если в это прикасаться не входила необходимость поставить на место или лишить сознания, Киаран не собиралась и потому только зубами скрежетнула. А хотя... Поставить на место? Это она с радостью.

– Как скажете, милорд, – робко пролепетала и просеменила через все покои к креслу у камина. Прямо кожей ощутила исходящую от графского затылка и плеч досаду и раздражение и усмехнулась. Стало быть, вы, ваша светлость, цените в женщинах опыт и уверенность. Насчёт опыта – чего нет, того нет, но вот уверенности в себе у неё хоть отбавляй. Так что здесь вам сегодня свезло.

Он не повернулся и когда она подошла вплотную и замерла сзади. В лицо дохнуло пламя камина, а живот окатило жаром, что от самого графа исходил. Полные губы растянулись в улыбке. Что-то совсем вы, ваша светлость, своей безопасностью пренебрегаете. В замок ваш пробраться, а потом в опочивальню – как у младенца леденец отобрать. Или вы настолько в себе уверены? Даже интересно...

– Девочка, – в низком голосе де Янна отчётливо зазвучало раздражение. – Я не привык приказывать дважды. Или мадам перебрала рома и отправила ко мне девственницу?!

– Прошу простить, милорд, – пролепетала Киаран, с мстительным удовольствием наблюдая, как де Янн тяжело и как-то обречённо вздохнул. Лица его она по-прежнему не видела, но вот могучая грудь, что виднелась в расстёгнутый ворот белой рубахи поднялась и опустилась, как кузнечные мехи.

– Ну так приступай уже! – раздражённо приказал де Янн и отпил из кубка.

Киаран осторожно положила ладони на бычьи плечи. Твёрдые, горячие, под пальцами перекачиваются литые мускулы. Избегая соблазна надавить что есть силы на болевые точки, Киаран сжала пальцы, продавливая подушечками больших стальные мышцы. Сама не заметила, как жар от графских плеч проник в ладони, стал медленно подниматься выше, до локтей.

Тело графа оказалось наощупь твёрдым, горячим, от волос пахло хорошим табаком и пряностями, чуть-чуть мускусом, но это совсем не портило впечатления. Наоборот, Киаран вынуждена была признаться себе, что, дотрагиваясь до де Янна, вовсе не чувствует отвращения... А ведь ещё недавно думала, что никогда не сможет коснуться мужчины.

Должно быть, она увлеклась... Но ведь так надо для дела. Поэтому Киаран без зазрения совести с головой погрузилась в процесс.

Её тонкие сильные пальцы уверенно порхали по могучим широченным плечам, сминали, массировали, скользили, стряхивая напряжение. Надо сказать, сидел граф в самой что ни на есть подходящей для массажа позе. Киаран запросто переносила весь свой вес на руки, пронося пальцами глубже в мышцы.

– Да-а, девочка, во-от так, – граф низко выдохнул, на этот раз вполне добродушно. – Руки у тебя крепкие. А ведь по голосу и не скажешь. Ага, вот здесь... да... ещё! Не бойсь, не сломаешь, жми!

Тоже ещё ценитель выискался.

Но Киаран отчего-то и сама не могла оторваться. Заразилась от графа каким-то азартом, что ли. В голову ударила бесшабашность, безумие. Вся ситуация была странной, опасной, острой, как лезвие меча.

Тонкие пальчики заскользили по шее вверх, разминая и её и граф немного откинулся назад, инстинктивно проявляя доверие.

Уголок рта Киаран дрогнул, а голубые глаза сверкнули азартом и безбашенностью.

Судя по довольному выдоху графа, то, что она стала массировать его затылок, а пальчиками другой руки скользнула вниз и вперёд, по шее, в ворот, густо покрытый жёсткими волосами, ему понравилось. Пальчики немного поиграли с густой порослью на рельефной груди, затем неспешно и легко, как крылья бабочки переместились снова вверх, к подбородку...

В следующий миг Киаран резко развернула голову графа в сторону, немного её запрокидывая, так, что их глаза, наконец, встретились.

Глядя в расширившиеся от удивления глаза графа с насмешкой, проговорила:

– Вы плохо заботитесь о вашей безопасности, ваша светлость. Стоило мне повернуть чуть более резко и чуть более на себя...

Договорить ей не дали. В следующий миг Киаран оказалась сидящей на коленях у графа. Как он одним рывком перебросил её через плечо, одному Дэйви Джонсу ведомо.

Но она не стала дёргаться и пытаться вырваться, как какая-нибудь слаонервная девица. Опять же, учитывая стальные капканы его пальцев, сжавшие её запястье и бёдра – бесполезно. Вместо этого, наконец, взгляделась в лицо де Янна.

Отблески языков пламени от камина творили что-то причудливое с тенями в комнате. В таком освещении лицо мужчины, на чьих коленях она сидела, казалось вырезанным из скалы. Твёрдое, открытое, изрезанное ранними, как у всех моряков, морщинами. Впрочем, последние ничуть его не портили, скорее говорили о волевом характере и твердокаменной силе духа.

Выпуклые надбровные дуги, глубоко посаженные карие, в золотых искорках, глаза, крупный и длинный нос, ровный, чуть приплюснутый спереди, с хищными широкими ноздрями, что выдает предков с дальних южных островов. Высокие скулы и упрямая линия подбородка, которая лишь угадывается за чёрной густой бородой. Губы полные, что опять-таки говорит о предках-маркитанцах, но в остальном черты лица правильные, выразительные. Про такие лица принято говорить – породистые.

Граф, в свою очередь, тоже изучал её.

Пристально. Внимательно. Взгляд у него был тяжёлый, проникающий в самую душу. Киаран невольно завопилась, и, сообразив, что елозит местом, которое леди вслух не назовут по месту и вовсе для леди не предназначенному, залилась краской.

– Для наёмной убийцы вы слишком беспечны и неосторожны, – говоря это, граф иронично поднял одну бровь вверх. – Для путаны – слишком стыдливы, – на этих словах Киаран вспыхнула ещё больше (хотя куда уж больше-то?). – Вот руки у вас, что надо. Сильные и умелые (и ещё больше!). Но подозревать в том, что вы пробрались в мой замок под видом гулящей девки единственно лишь, чтобы размять мне плечи (при этом так выделил это *единственно и плечи*, что Киаран подумала, что вот-вот заживо сгорит), было бы слишком нелепо. Так кто же вы, прекрасная незнакомка? Ну?! Отвечайте!

Памятуя, что тут каждое движение против неё истолковано может быть и опасаясь лишний раз убедиться, что устрицы очень даже действуют, Киаран, отвечая графу таким же прямым и дерзким взглядом, проговорила:

– Леди Киаран Бэхингем, к вашим услугам. Герцогиня Бэхингема и Хранительница Восточных Морских Врат Таллии, – нахмурившись, тихо добавила: – Была. И я здесь по делу.

Пользуясь тем, что железная хватка графа чуть разжалась, мигом высвободилась и в следующий миг уже стояла на ногах. Спину облизнуло жаром и Киаран быстро метнулась в сторону. Не хватало ещё плащ подпалить.

Надо отдать должное выдержке и самообладанию графа. За передвижениями-метаниями Киаран он следил, не шелохнувшись. Хотя ей было отлично видно, что подобрался, как хищник, готовый к прыжку. Не зря говорят про де Янна, что умён.

Умён, ещё как умён и очень, очень опасен. С виду и вправду морской бык, а глаза умные, взгляд, несмотря на выпитое, ясный, пронзительный.

– Надо сказать, время для делового визита, – окинул её таким взглядом, от которого щёки снова сами-собой вспыхнули, – вы, леди, если это и вправду вы... тут позвольте усомниться, самую малость, насколько я знаю, леди-изменницу лишили титула, заклеямили и на рудники, на остров Берцовой Кости отправили... так вот, время и антураж вы выбрали очень любопытные.

– Это и вправду я, – сказала Киаран, поворачиваясь плечом. Для верности плащ сбросила и швырнула его в свободное кресло. Магическое клеймо, просвечивающееся сквозь рубашу засияло чуть не ярче огня в камине.

К первой, удивлённо поднятой брови графа, присоединилась и вторая.

На просвечивающееся под рубашой воронье крыло он смотрел едва ли не внимательнее, чем до этого на саму леди Бэхингем.

Затем, цокнув языком, жестом указал на свободное кресло. Так и не дождавшись устного приглашения, Киаран быстро села.

Граф уже успел выудить откуда-то второй кубок и наполнить его до краёв.

– Пейте, – сказал он, а сам затянувшись, выдохнул струю ароматного дыма. – И расскажите, что за дело привело вас ко мне?

– Я хочу разорить корону, – просто сказала Киаран.

Граф посмотрел на неё, не мигая.

– Вот как? Леди, должно быть, тот, кто направил вас ко мне, что-то перепутал. Я преданный подданный его величества и законопослушный гражданин Таллии.

– Вы бывший пират, – сказала Киаран и снова с наслаждением отхлебнула, чувствуя, как пряная, жгучая нега разливается по натруженным мускулам. – А бывших пиратов не бывает.

– Корсар, – жёстко перебил её граф. – Вы путаете.

– Различие пирата и корсара номинальное. Первые просто грабят, вторые – грабят всех, кроме соотечественников.

– Вот теперь верю, что вы леди, – осклабился граф и отпил из своего кубка. – Причём леди, получившая образование, что вообще нетипично для женщины.

– А у меня вообще много сюрпризов, – парировала Киаран. – И, если моё благородное происхождение больше сомнений у вас не вызывает, может, перейдём к делу?

– И решительная...

Киаран не понравилось, что взгляд графа спустился несколько ниже её лица, куда не допускали приличия, поэтому нарочито резко произнесла:

– Да. Я привыкла сразу брать быка за рога.

Настал черёд графа скрежетнуть зубами. Понял прекрасно аллегорию, как есть намёк на его прозвище. Но виду не подал, вопросительно дёрнул подбородком, говорите, мол.

– Моё герцогство и всё имущество отобрала корона, – сказала она. – Но даже имущество Бэхингемов не способно заткнуть финансовые дыры в казне.

– Как же его могло не хватить? Насколько я знаю, герцогство Бэхингем баснословно богато. Было.

– Не настолько, насколько все думали, – пожала плечами Киаран. – Бэкинхемы со своей торговли имели лишь шестую часть дохода. Остальное отчислялось в королевскую казну.

– Негусто, – поджав губы, сказал граф.

– Нам хватало. Семьи Бэхингемов и Вулго связывала старинная дружба... когда-то. И договорённости... что Вулго нарушили. Опять же, неужели думаете, если бы мы не отдавали практически все доходы короне, нам позволили бы столько веков оставаться Хранителями Восточных Морских Врат?

– Не думаю, – покачал головой граф.

Киаран кивнула.

– Правильно, что не думаете. Мне известно, что мимо Штормового архипелага пройдут флотилии из Магрида, Эрдэса и Нью-Терры. От того, как скоро они дойдут до Королевской Бухты и... герцогства Бэхингем и насколько удачными были их миссии, зависит раздача долгов короны.

– Я так понимаю, вы не желаете, чтобы корона рассчиталась с долгами...

Губы Киаран растянулись в пугающей улыбке.

– Вы правы. Не желаю. И не допущу. В банк Тритона деньги верну я. Но это потом. Сначала мы обчистим до нитки казну и загоним короля Дино в ещё более ужасающие долги. Не будь я леди Бэхингем, эта падаля ещё дворец заложит!

Бровь графа де Янн приподнялась.

– Вы настолько любите деньги? А по вам и не скажешь.

Киаран передёрнула плечами.

– По мне много чего не скажешь. Для того, чтобы прятать наши корабли, а потом и награбленное, нам понадобятся ваши острова.

Граф пожевал губами.

– Вот вы, леди, всё время говорите «мы», «наши корабли»... Вы имеете ввиду нас с вами, если я вас правильно понял? – и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Позвольте полюбопытствовать, сколько кораблей *у вас*?

– Только один, – призналась Киаран. – Я захватила каракку, которая везла каторжников на рудники.

– Это на остров Берцовой Кости?

– Именно.

– Так я и думал. Так значит, леди, вы имеете ввиду *мои* корабли. И с какой такой радости я должен их *вам* предоставить?

Киаран кивнула. Она ждала этого вопроса.

– Во-первых, я щедро заплачу. Сразу после того, как мы разобьём королевскую флотилию. А во-вторых, когда я разорю корону, получу поддержку всех островных и прибрежных лордов, пойду на Королевскую Бухту и возьму её, а затем убью Дино и займу трон, вы можете рассчитывать на поддержку королевы Таллии. И на корсарский патент, которого вас лишили

после того, скажем так, инцидента, связанного с сокровищем Морского Дьявола. За которым вы ходили за Излом, откуда благополучно вернулись.

На щеках графа заходили желваки, губы сжались в одну линию, как морской горизонт. Взгляд, который он бросил на Киаран, прожигал насквозь.

– Не играйте со мной, леди, – сказал он.

– А с чего вы решили, что я играю, милорд? Или вы думаете, я задумала всё это только лишь для того, чтобы попирагивать? Я смотрю дальше. Лучшая награда для меня – голова Дино. На шесте. И его печень, которую я лично скормлю рыбам-собакам на атолловой площади!

– Вы так ненавидите короля за то, что лишил вас земель?

– Нет, – покачала головой Киаран. – За то, что до смерти замучал моего отца и убил братьев. Их у меня было двадцать семь.

– Серьёзный аргумент, – вздохнул де Янн.

– Серьёзный. Король забрал у меня Бэхингем и родных. Взамен я заберу у него Таллию. И его поганую жизнь.

– Если это правда и вы действительно леди Бэхингем, то вы – третья в очереди на престол.

А как же младший брат короля, принц Джефри?

Глаза Киаран потухли. Видно было, что она думала над этим.

– Моих братьев Дино не пожалел, – твёрдо сказала она после небольшой паузы.

– Допустим, – граф побарабанил пальцами по столу между ними. – Но вернёмся к финансовой стороне вопроса. С какой радости мне давать вам свои корабли? Рисковать не только добрым именем, но и имуществом? И людьми.

– Вы преумножите своё имущество, граф, – сказала Киаран. – Я выделю вам более, чем щедрую долю.

– Обещания. Обещания, леди. Разве так ведут дела? Вам, простите, что говорю это, нечего терять. Мне – пока – есть что.

Киаран презрительно и как-то торжественно улыбнулась.

– У меня есть задаток. Задаток, от которого вы не откажетесь.

– Вот как? И какой же? Неужели в трюме захваченной вами каракки нашлись сокровища? Быть может, золото? Серебро? Алмазы? Или хотя бы шерсть андалузских коз?

– Нет, – скрепя зубами, ответила Киаран. – Но я знаю, как добыть сокровища Морского Дьявола. Того самого.

Она не успела отшатнуться, железные пальцы Морского Быка сомкнулись на её плече. Том самом, с клеймом.

– Я, кажется, предупреждал тебя, девочка. Не играй со мной.

– Я и не думала играть, – Киаран смотрела в глаза графа смело, с вызовом, не делая даже попытки высвободиться. – Я знаю, как добыть сокровище и вывезти его с Изнанки. Без меня у вас ничего не выйдет. Вашей доли вполне хватит, чтобы купить хоть десять таких архипелагов, как этот ваш. А мне моей будет достаточно, чтобы купить корабли и нанять людей. Мы с вами найдём сокровища, на часть которого вы, граф, имеете полное право. Уже пятнадцать лет, насколько мне известно. Мы оба получим то, о чём мечтаем больше всего на свете. Вы вернёте свой корсарский патент. Мне ли не знать, что бывших моряков не бывает... И... я отомщу за близких. И получу то, что *моё* по праву.

– Трон.

Именно.

На этот раз граф молчал долго.

Пил, дымил трубкой, смотрел на огонь.

Киаран не мешала де Янну думать. Вытянула к огню ноги, откинулась на спинку кресла, понимая, как сильно, прямо адски она устала. Столько всего случилось за последние дни... Как

она, леди, папина принцесса, дошла до такой жизни? Что за тучи сгустились над её головой, как так получилось, что она вышла на тропу войны и решила бросить вызов не кому-то, короне...

Из раздумий её выдернул низкий голос графа де Янна.

– Если вы и вправду та самая леди Бэхингем, – проговорил он задумчиво. – То я хочу знать, как вы дошли до такой жизни? Откуда у вас сведения о кладе Морского Дьявола? Нет-нет, не рассчитывайте отделаться скупыми фразами. Мне нужна полная, очень подробная история. Летние ночи недолгие, а нам так много предстоит обсудить. Я, знаете, одичал здесь, в Штормовом архипелаге. Редко кто заплывает сюда, к опальному графу-отшельнику.

Давно я не слушал дивных сказок, а ваша история, леди, отчего-то видится мне, как сказочная. Да вы и сами похожи на древнюю царевну, которая рассказывала сказки шаху, кажется, тысячу и одну ночь. Убеждён, вы управитесь за одну. Итак, я жду. Приступайте, – не терпящим возражения тоном, завершил граф.

Киаран подняла на него взгляд и в её светло-голубых глазах заплясали язычки пламени.

Граф хочет сказку?

Ну что ж... Киаран и вправду умеет рассказывать сказки.

И, хоть её, Киаран, сказка страшная, жестокая, она всё же попытается рассказать её достойно.

В конце концов, у неё были хорошие учителя.

Точнее, учитель.

Часть I. Присказка

Глава 1

Герцогство Бэхингем, месяц назад

Милая моя сестрёнка Киа,

какие слова найти, чтобы описать тебе конечный и заветный пункт моих странствий – Нью-Терру, Новый Свет?

Ведь этот «свет» действительно «новый».

Если бы бумага, перо или чернила могли передать девственную красоту этих благородных гор, это пышное голубое покрывало лесов, эту пронзительную, звенящую тишину ночного купола...

О! Это совершенно особенная тишина!

Глубокая и разительная!

Подобно мечу из эллинской стали эта тишина пронзает мысли, чувства, всё естество – насквозь! По ночам здесь слышно, как наш мир, согласно научному доказательству величайшего астролога прошлого, Гарут-аль-Расхида, который первым заметил, что тень Терры, отбрасываемая на одну из лун, имеет круглую форму, так вот, здесь, в Новом Свете ночью можно услышать, можно ощутить, моя милая сестрёнка, полёт Терры сквозь голубой эфир...

Я знаю, тебе бы это понравилось, ты с детства любила спать под звёздами, удирая из замка, тем самым пугая слуг и вызывая на суровом лице отца нежную (хоть и старательно скрываемую) улыбку.

Но что горы, что леса, что ослепительно прекрасные звёзды!

Знаешь, что самое прекрасное в Новом Свете?

Прекраснее бьющих из земных недр горячих ключей, пронзительно-голубых озёр, изумрудных равнин и малахитовых пещер? Восхитительнее сладко-пряного аромата лаванды, гроздей цветущей жимолости, огненных, сплошь усеянных диким маком лугов и чудеснее невиданных мной прежде деревьев с белыми, как снег стволами и голубоватой на просвет листвой...

Ты, конечно, обзовёшь бывалого моряка поэтом, но, поверь, все эти художественные отступления совершенно необходимы, прежде, чем я скажу тебе о главном.

Главное в Новом Свете – одно.

И оно же бесценное.

Сво-бо-да.

Свобода! Свобода! Свобода!

Это милое моему сердцу слово хочется петь, хочется кричать с самой высокой горы, и эту песнь тут же подхватывают ласточки, имели, стрекозы (а еще вороны и сапсаны), ею звенит сама природа, дышат воды Шепчущего океана, вздымаясь и опускаясь, как грудь спящего ребёнка.

Ты, должно быть, подумаешь, что я преувеличиваю, что намеренно приукрашиваю, чтобы заманить тебя сюда, в Нью-Терру, где всё, решительно всё дышит свободой?

И будешь, как всегда права, как истинная леди Бэхингем и Хранительница Восточных Морских Врат Талии, ты с детства отличалась острым умом и интуицией.

Впрочем, кому, как не нам, знать, как корабль назови...

Киаран отложила письмо и оглянулась на зеркало в тяжёлой раме. Нахмурившись, заправила выбившийся локон, второй, третий... А после бросила это неблагодарное занятие и,

выдернув из волос две деревянные палочки в павлинах (подарок Геора), помотала головой. Распрощалась с неким подобием причёски окончательно.

Киаран... мужское имя. И очень ей подходит.

Единственная наследница герцога Бэхингема и, после смерти матери – леди герцогства Бэхингем. Первая и последняя из детей лорда, рождённых в законном браке, кто отличался (а лучше сказать, отличился) крепким, даже завидным здоровьем.

В отличие от многочисленных бастардов отца, коих с её любимым Геором, чьё письмо только что доставили, ровно двадцать восемь, и все, как на подбор, крепкие и здоровые, что те тальские буйволы, из сыновей-наследников ни один не дожил до первого дня рождения.

Что там дня рождения, братик, разделивший с Киаран утробу матери, которого гордый до невозможности лорд Бэхингема впервые взял в дрожащие руки и объявил его имя – Киаран, что значит, Чёрное Счастье – скончался тут же, на руках отца.

Потемневший лицом герцог опочивальню жены тут же покинул. На бедняжку-герцогиню в родовой горячке даже не взглянул. А когда повитуха робко окликнула его и спросила, как его светлость решили девочку наречь, всю из себя розовую, пухленькую, в чёрных, как у братишки, кудряшках, с ясными и круглыми голубыми глазёнками, которая в отличие от тихони-братца яростно вопила, оповещая мир о своём приходе, но... девочку... Лорд застыл, как вкопанный, а потом повторил сдавленно: «Киаран». И вышел вон.

И было в этом его «Киаран» столько ярости и столько боли, что никто переспросить не осмелился. Так и записали в храмовую книгу: Киаран Бэхингем, наследная герцогиня Бэхингема, герцогства-порта на юго-востоке Таллии, величайшего, могущественного королевства.

Это всё ей после Геор рассказал.

Это и многое другое.

Он вообще, замечательный рассказчик, её Геор!

И это его письмо – лучшее тому подтверждение.

Сколько чудесных дней и ночей они провели – в тренировках, в плаваниях на отцовских кораблях и самодельных плотках, на охоте и рыбной ловле. И самое для Киаран любимое всегда было в этом во всём – привалы, передышки, краткий, вкусный отдых.

Потому что тогда брат рассказывал.

Обо всём и ни о чём.

Быль и сказки.

Истории и легенды.

О королевстве Таллии, о древнейшем в королевстве герцогстве-порте Бэхингем, о самих Бэхингемах... то бишь об истории её рода, сам-то Геор, как и все бастарды отца фамилию носил Морето, от близости моря, и Киаран в детстве жутко ему и остальным братьям завидовала, ведь Мо! Ре! То! – звучит куда певучей и романтичней, чем куцее сухое Бэхингем. Бэхингем! Как овсянку в тарелку шлёпнули...

Геор рассказывал и древние легенды о чудо-птицах с крыльями-парусами, пролетит такая над тобой – всё небо заслонит, такая огромная. Обо всадниках этих чудо-птиц, Первых Людах, что на этих самых птицах спустились на Терру и, по завету богов, тут же принялись плодиться и размножаться.

Киаран оглянулась.

Вон, на стене, мечи крест на крест, и лук, и колчан со стрелами, и кривые шашки, и металлические круги с острыми, в волос, краями. Всё, чем отец и Геор с детства учили её управляться. Но если у лорда Бэхингема время на наследницу не всегда находилось, то Геор всегда был к услугам «маленькой принцессы». Только ему и отцу, конечно, позволялось так её называть.

Случались и оказии.

Как, например, тогда, когда Киаран была совсем ещё крошкой и помнить ничего не могла. Тоже Геор рассказывал. Со смехом причём.

Он мальчонкой уже бредил морем, прям бредил. Вот и решил как-то, ему тогда осьмой годок шёл, всё, пора. Хватит быть пешеходом, будет с него уже. Пора путешественником становиться. Мореплавателем!

И... Сбежал.

Целую шняву увёл. Двухмачтовое судно, если что. Один.

Ну, как один.

Напоследок прихватил из отчего дома самое ценное, что у него было. А именно люльку с младшей сестрой. Ну а что такого? Лорд-отец после рождения дочери запил, сильно запил. Честно сказать – все думали, допьётся до смерти от такого горя-то. Ни разу посмотреть на малышку не пришёл. Её леди-матушка ненадолго пережила братишку... К утру после родов, которые в самую полночь случились, приказала долго жить.

А ему, Геор, девочка сразу понравилась. Вся такая ладненькая, пухленькая, розовая, глазки ясные и нос смешной пуговкой. А что орёт непрерывно – так ведь леди, имеет полное право. И нечего нянькам губы кривить. Леди, они лучше знают, как вокальными данными распорядиться. На то и леди. А тем паче... шутка ли! Единственная дочь отца-лорда, которого природа всю жизнь столь щедро сыновьями награждала. Даже странно, что, рождённые в законном браке мальчишки на этом свете не задерживались. Прям мистика.

В общем, только лишь сестрёнку Геор и решил взять с собой в плаванье.

После уже рассказывали, вмиг протрезвевший лорд, как о пропаже дочери доложили, самолично нагонять вышел. На бриге. С командой, не без этого. Тут уж до бастарда-одиночки ему далеко было.

Всю дорогу повторял: «Утоплю щенка!»

А потом не то, что топить, сечь не стал.

Потому как малышка, по недоразумению именем покойного брата названная, и не думала возражать против такого с собой обращения. Молча в люльке лежала, ножками сучила и сосала палец. Широко распахнутыми, умными глазёнками в небо смотрела и гукала что-то на своём. А на суше, между тем, не одну няньку до мигрени своим рёвом довела.

На палубе шнявы, стало быть, её укачало.

Отец тогда её из люльки вынул, к груди прижал и разрыдался. Очень тогда Геор испугался, ни разу таким лорда не видел. Гневливым или пьяным – это бывало, а вот испуганным до дрожи, до заикания – никогда.

А Киаран ничего, посмотрела на отца своими ясными глазёнками и улыбнулась, мол, хорошо ж плывём.

С тех самых пор она любимицей отца и стала.

Только воспитание получила такое, какое брат-наследник бы получил.

Нет, прялками там, пальцами, нитями гобеленовыми и прочей несуразицей игровая наследницы была оборудована в лучшем виде. Только леди сызмальства к оному вовсе не прилагивалась. Брезговала отчего-то.

Куда интересней ножи, дротики, мечи деревянные (очень много рёва было, но настоящие никто не давал), кони (от пони леди неделикатно отказывались), бег наперегонки с деревенскими мальчишками, прятки...

А пуще всего – море. Корабли.

Стоило только Киаран раскапризничаться, подносили её к окну, паруса показывали – и всё, забыли об чём горевали. Сразу на мордашке улыбка от уха до уха, глаза загорались, точно в кудрявой головке светильник кто-то зажёт, а потом вид такой серьёзный и сосредоточенный становился, ну точь-в-точь арифметическую задачу про себя решала.

Словом, все вокруг её любили, баловали и обожали, вышиванием да ткацким станком, как любую другую благородную девицу не изводили.

Первое настоящее горе случилось, когда Геор уплыл.

После некоего неприятного *инцидента*, о котором речь позже пойдёт, Геора да остальных братьев Киаран призвали на королевскую службу. Даром что бастарды.

Но всё же род Бэхингем – древний (говоря начистоту, куда древнее королевского). Опять же, Бэхингемы – единственная фамилия, которая без приставки произносится. Как у королей, у Вулго.

На то воля принца была, чтобы все многочисленные бастарды Морето, от герцога Бэхингема, на королевскую службу заступали. Мол, это ничего, что бастарды, так бастарды ведь от Бэхингема.

Герцогу отступать некуда было – вроде невиданная милость. Потому едва очередному Морето семь годов минует – извольте пожаловать на королевскую службу. В пажи там, в виночерпии, в ключники. А то и в оруженосцы.

Геор единственный, кто с королевской службы сбежал. И в Бэхингем попрощаться заехал.

С сестрой попрощаться. Для этого, как всегда, камешками в окно вызвал. Глубокой ночью.

Больно было прощаться – жуть.

Как она одна, без Геора, без его рассказов? Он же «её-лучший-любимый-дорогой-золотой-в-мире-брат»...

А Геор пообещал, что теперь рассказы ещё чуднее будут, «морем клянусь!», потому что будет он писать не о Таллии и Бэхингеме, а самых настоящих заморских странах и диких странах. А здесь ему оставаться нет никакой возможности, король решил, что для дворцовой службы старший Морето непригодный, потому в Орден Тигриного Когтя направляет, братом.

В морской же службе Георю было отказано. И, к сожалению, виной тому сама леди Бэхингем была.

Точнее, не сама она, конечно, а *инцидент*.

Тот самый, о котором будет ещё время обстоятельно вспомнить.

– А без моря мне и жизнь не жизнь, – вздыхал брат и всё по волосам её гладил.

И ведь не соврал!

Писал, писал исправно, так навестырился словом владеть, что Киаран, читая письма брата из года в год, словно сама в семи морях побывала, с виернами и гидрами сражалась, и даже как будто якула в небе видела собственными глазами.

Можно сказать, выросла на письмах любимого брата. Помимо боевых да морских премудростей, скучнящих теоретических дисциплин ну и «самковедения» – это она так из мести замковедение обзывала, а именно науку для леди первостатейную.

Вздвогнув, точно очнувшись, Киаран оторвала взгляд от расплывшихся перед глазами строк и помотала головой. Иссиня-чёрные кудри весело заскакали по плечам.

Ну вот как Георю это удаётся?

Читаешь, читаешь его письмо, и вот ты уже не леди Бэхингем, благородная девица двадцати лет отроду, которая не только мечом махать горазда, но и хозяйство в замке вести умеет, с бухгалтерией не понаслышке знакома, а уж мореплаватель из неё такой, что любо-дорого, вон, отец и тот не сомневался, когда ставил во главе флотилии, вместо себя по торговым делам отпускал в Филиппинку и Магрид. И с корсарами сражались, бывало, и в шторм попадали не раз, и от гигантских медуз уходили. И все моряки в один голос заявляли – лучшего капитана, чем герцогская дочка и представить себе невозможно...

Здоровье отца в последнее время оставляло желать лучшего, так что забот у леди Бэхингем с каждым годом ощутимо прибавлялось, отчего казалась себе взрослой, да что там взрослой, зрелой не по годам.

Но вот получит от Геора весточку, и как молнией прошибает, глаза на мокром месте, в груди щемит, и вовсе она никакая не леди-хозяйка пусть небольшого, но самого стратеги-

чески важного герцогства в Таллии, а кудрявый сорванец с деревянным мечом, весь в синяках-царапинах, как бродячий котёнок. Сидит, подперев щеку ладонью и с открытым ртом слушает любимого брата.

Вздохнула. Придвинула к себе письмо и снова забегала глазами по строчкам...

Глава 2

Герцогство Бэхингем, месяц назад

Я и в самом деле призываю тебя, дорогая сестрёнка бросить Таллию.

Бросить Бэхингем.

Взять с собой только лишь отца и братьев, и верных слуг.

И плыть сюда, ко мне, в Новый Свет.

И, прежде, чем ты выругаешься вслух и решишь, что Геор Морето повредился рассудком в странствиях, приведу самое, что ни есть, логическое обоснование такому своему совету.

Киаран, которая уже даже рот от изумления открыла и в последний момент удержала на языке крепкое выражение, леди не красящее, нахмурилась и принялась читать дальше.

Непохоже, что Геор шутит...

Но что это, если не шутка?

Геор никогда не стал бы шутить начёт её, именно её герцогства. Кому, как не любимому брату знать, как она обожает отца, как любит свою землю? Море, как и Геора, влечёт её не меньше, но место леди там, где её родовая земля, её дом, где издревле её предки были не только Хранителями Морских Врат королевства, но и правили самой Таллией...

Ты, конечно, полагаешь, причём полагаешь весьма справедливо, что Нью-Терра – некая обетованная земля на краю света, и дразги большого мира не доносятся до здешних горных вершин... Но с новейшим научно-магическим открытием, а именно, изобретением маг-почты и до этой девственной земли долетают отголоски распрей, заговоров, сплетен и слухов.

Очень, очень нехороших слухов, малыша Киа!

Старый король, как известно из достоверных источников, совсем плох, а принц, как ты знаешь и без моих напоминаний, глуп и жесток.

Глупость и жестокость, как ни прискорбно это звучит, не худшие качества для монарха.

Жестокосердность, увы, избавляет от терзаний совести в принятии стратегически важных для короны решений, пусть они идут в ущерб чаяниям близких и даже родных. А глупость – и вовсе козырь, не для короля, конечно, а для его приближённых, которые, выучив нрав монарха наизусть, могут дёргать его за ниточки, как ярмарочного болванчика, добиваясь тем самым нужных им результатов.

Правда, симбиоз глупости и жестокости (а по моему скромному мнению этих качеств у принца Дино поровну) делает его особенно опасным, даже для этих самых кукловодов, что опять же ему только на пользу, потому, что как ни огорчительно это звучит для человека просвещённого, как ты, например, моя малышка Киа, страх перед носящим корону лишь укрепляет фундамент его трона.

Главное же, что выгоднее всего отличает принца Дино как будущего монарха, несомненно, это его непревзойдённая, как у всех Вулго, интуиция, а точнее – умение предугадывать желания своей той самой влиятельной коалиции, которую сызмальства собирал вокруг себя и о которой мы столько с тобой говорили. В детстве оно выглядело кружком маленьких садистов, но не стоит забывать, что окружающие Дино подонки, которые давно выросли – сплошь герцоги, виконты да пэры, из богатых и влиятельных семей. А ведь именно на близкой к трону знати и держится любой трон.

Вы, Бэхингемы, в эту самую коалицию не входите и не войдёте никогда: и дело даже не в разнице умов и моральных устоев, – слишком стратегически значимое для Таллии герцогство-порт Бэхингем.

Более того, ты, конечно, сама знаешь, как сильно приспешники принца желают растащить герцогство Бэхингем на куски и самим снимать сливки с морских торговых путей.

Да и то, что Бэхингемы без малого пять веков сидели на троне, обстоятельство совсем не в твою пользу.

Сейчас ты четвёртая в очереди на престол, но, когда на него взойдёт Дино – станешь третьей. И что потребует от молодого короля влиятельная коалиция? Правильно! Именно – союза с тобой.

И хоть, как сторонний наблюдатель и неплохо разбирающийся в политике человек, я понимаю и даже одобряю такой их выбор, но как любящий брат никак не могу допустить, чтобы моя милая сестрёнка с ясными глазками, острым умом и чутким сердцем стала супругой глупого и жестокого человека, пусть даже и короля.

Посуди сама, что за жизнь тебя ждёт во дворце?

Вряд ли Дино забыл тот турнир...

Глупые люди никогда не забывают о своих неудачах, более того, непрестанно нянчатся с ними, как дура со ступою (прости мою резкость), и вместо того, чтобы двигаться дальше, к новым свершениям, отравляют своё сознание мелочной мыслью о мести.

Ты, конечно, не так наивна, как остальные девицы твоего возраста и круга и понимаешь, что Дино не замедлит отыгаться на тебе, а то, что окажешься в полной его власти, только распалит его. Стоит ли Бэхингем того, чтобы твоя жизнь из-за него превратилась в ад?..

Выйти за другого тебе не позволит корона, опять же, вспомни соглашение между Вулго и Бэхингемами...

– Да уж, братик, значит, и в Новом Свете говорят о том, что в Таллии беспокойно, – прошептала Киаран, невидящим взглядом уставившись в окно. – Жаль только, что несмотря на журавлиную почту, наши новости у вас запаздывают.

Старый король скончался месяц как тому.

Отец в ту пору был в Магриде, несмотря на здоровье, не смог отказать королю, а миссия была очень ответственная. Настолько, что новый король отдал приказ: по возвращении немедленно явиться ко двору.

Потому отец и домой не заезжал, встречались с Киаран на границе.

Пришлось крепко сжимать зубы и кулаки, причём от злости.

Поездка совершенно вымотала старого герцога. В Магрид Киаран провожала его заболевшим, а встретила совсем плохим.

Ругала Дино, на чём свет стоит (при отце можно, если не использовать крепкие выражения), а он по волосам её погладил и наказал не покидать Бэхингем вплоть до его приезда. Ни под каким видом.

Это тянущее внизу живота, заставляющее слабеть ноги и сдавливающее горло ощущение грядущей беды...

Оно было тогда и возникло сейчас, словно впиталось в почтовую чайку вместе с чернилами. Магические чернила пахнут по-особенному, резко ипряно, их запах не выветривается даже за перелёт через океан и всегда, с самого детства вызывал у Киаран самые, что ни на есть, приятные ассоциации. Но не сегодня.

Не тогда, когда сидишь сиднем и ждёшь каждую минуту вторжения соседей, тех самых, которых Геор охарактеризовал, как «влиятельную коалицию». Им баснословное богатство Бэхингема – что кость в горле, а раздробленный на куски гигантский порт намного выгоднее не только этим самым соседям, но и короне.

Что ж. Бэхингем прекрасно защищён и вооружён...

И пока жива его наследница, никто не посмеет... Не должен посметь.

Вот только прав Геор, тысячу раз прав! Не дадут ей покоя... Дождаться бы только отца.

Чудно, что Георг вспомнил о том турнире. То бишь об *инциденте*.

Она и сама о нём недавно вспоминала.

Было дело... Да, восемь лет назад.

Принц как раз справил совершеннолетие.

В честь возраста первой зрелости будущего монарха и был, собственно, турнир. Пышный, с размахом, королевский.

И на ящерах были забеги, и на воздушных шарах летали, и на колесницах двухколёсных, как в древности, ездили. Ярмарки там, менестрели, заморские диковины. Всем королевством день явления его высочества гуляли.

Киаран, отец, конечно, взял с собой, ко двору.

А что дочь, как подобает будущей герцогине на месте не сидела да с благородными девицами своего сословия не зналась, так то какая уж тут новость. Носило её... где только не носило. И на арену занесло. Правда, туда неслучайно.

Дело в том, что принц Дино самолично в турнире участвовал.

И до Киаран слушок дошёл, что принц непременно в этом турнире всех победит. Такая, мол, у него с рыцарями-друзьями договорённость.

А Киаран, которая чуть не с колыбели за справедливость радела, несмотря на всё своё скандальное воспитание, рыцарем не была. Так что на неё это правило не распространялось.

Вот и появился на арене самым последним рыцарь Чёрной стрелы с неизвестным гербом. Маленький, хлипкий даже против того же увальня Дино.

Тот не спешил нового противника давить, как муху.

Насосался крови тех, кто до этого самого рыцаря был.

Так что не только дурость Киаран руководила. Ещё и жажда поквитаться за тех, кого Дино даже людьми не считал. Один – единственный сын престарелой четы Свартов, древнего, но обнищавшего рода, второй – из Сесилей, у него ещё Рик, младший брат Киаран, оруженосцем служил. В общем, с ними, как она поняла, Дино даже не уговаривался, не его поля ягода. Не из «коалиции». Так что по соображению, а какой, мол, турнир, без свежей крови, одному лицу исполосовал, второго чудом что без руки не оставил.

И с Киаран хотел, по-видимому, так. То есть с никому неизвестным рыцарем, как же.

Только не зря наследница Бэхингема росла на палубах да тренировочных площадках и на коне сызмальства спать могла, что та амазонка.

Поняв, что так просто раздавить «мальца» не удастся, Дино взялся за дело всерьёз. Пыхтел, кряхтел, поливал оскорблениями и угрозами, стращал. А Киаран молчала. По голосу в ней девицу тут же распознали бы и правому делу конец.

А уже когда ногой на грудь будущего короля встала, меч к горлу приставила, всё, как полагается, да под прицелом лучников, такого самоуправства от незнакомого рыцаря не одобrivших, шлем стянула и головой помотала, зная, что кудри у неё – загляденье, так вот это самое загляденье и было.

Старый король Иаков и отец очень уж хохотали, даром что друзья с детства. Другие тоже посмеивались. Были, правда те, из «коалиции», кто требовал Киаран за хамство такое высечь, а там и вовсе в монастырь к Молчаливым Сёстрам отправить. Ну так рыцарь Чёрной стрелы поклонился им со всем почтением и мечом салютовал, бросая вызов на поединок. Выходите мол, жиромысы, на честный бой за такую вашу доброту и ласку, отведайте угощения. А там и о монастыре поговорим, и о Сестрах-Проскурлинках.

Старый король так смеялся, что аж корона свалилась. Что опять же дурным знаком посчитали. Правда, Дино, до которого дошло, наконец, что его девчонка сопливая уделала, всё внимание на себя взял.

Лично кубок вручил.

А потом подхватил на руки и поцеловал. В губы!

Мало что обшлюнявил до последней возможности, а из его медвежьей хватки как выбе-
решься, так еще облапил перед всеми, показывая, мол, вон как с девками надо. И за губу уку-
сил. Больно. До крови.

За то и пощёчину огрѐб. Опять же, перед всеми.

Тут уж никто не смеялся.

Как-то постарались на ящеров переключиться да на танцоров...

Геор, конечно, тоже там был. В качестве оруженосца виконта ди Бироса. Своими глазами
всё видел.

И после, при первой удобной okazji отругал сестру, на чём свет стоит, а никак не вос-
хитился.

Мол, это называется дѐргать тигра за усы. А что тигр глуп и злопамятен – вообще никому
не на пользу.

А справедливость как же?

После турнира и призвали всех Морето на королевскую службу.

Все шептались тогда, всё, мол, этим Бэхингемам нипочѐм. За прямое оскорбление
принца королевской крови, вон, бастарды наравне с дворянскими детьми пажами служить
будут да вино подносить.

...Не знал, конечно, Георг и о том, что случилось между сестрой и Дино два месяца тому
назад, буквально накануне кончины старого короля.

Не знал, но угадал чуть не слово в слово, что её попытаются за принца сосватать.

Потому что принц и вправду к ней сватался.

А было это так...

Стоило отцу в Магрид отбыть (по королевскому приказу, причѐм срочному, – его вели-
чество впервые запретил вместо герцога его дочь во главе торговой флотилии отправлять),
принц к ним в гости, в Бэхингем заявился.

Инкогнито вроде как, без свиты. Всего десяток дружков-головорезов при нём был, из
«коалиции». Но всё равно принимали со всем размахом.

Киаран злилась до белых глаз. Мало ей своих забот, так ещё исполняй роль радушной
хозяйки, развлекай венценосного болвана!

Вести, опять же, с границ беспокойные, сталь на доспехи поставили коррозией побитую,
управляющий из дальнего поместья руку в хозяйский карман по самый локоть засунул... Вот
чем заниматься бы. Мало ли забот у леди. А тут будь добра за столами сживать, смотреть на
их пьяные рожи, да на то, как «первый свет королевства» посуду бьют да слуганок лапают.

Киаран, правда, подсобила с последним обстоятельством, как смогла.

Вместо верных замковых слуг и служанок, которых на такое nepотpeбствo нипочѐм бы
не отдала, даже если б хотели, дисциплина в замке была железная, высоких гостей подно-
сами обносили шлюхи да просто гулящие девки в чепцах-передниках. Они, по наказу госпожи
сопротивлялись даже немного, для виду, смотрели испуганно, но за пару десятков серебряни-
ков чего ж не посмотреть. Ты попробуй, заработай столько женским местом. Правда, и при-
вычной работы им за время высокого визита хватило, чего уж там.

Так вот в первый же вечер, когда Киаран, отбыв, наконец, свою каторгу (это она про себя
так ужины в компании принца называла), пожелав всем доброго вечера и времяпрепровожде-
ния, пошла к себе, Дино, идиот слюнявый, за ней увязался.

Долго запертую дверь кулаками охаживал, даром что та дубовая.

Потом поунялся, видать подустал, слышалось, опять же, женское хихиканье (девицу
потом Киаран в двойном размере отблагодарила).

Так и повелось с тех пор – неделю пытался к ней в опочивальню, как к простолюдинке
какой, просочиться своей медвежьей комплекцией. Только злил да спать мешал, а шлюхи меж

собой передрались и волосья друг дружке повыдирали, кому от госпожи принца отваживать да двойной гонорар получать...

В общем, та ещё неделька была.

Опять же, шлюха с подбитым глазом и выдранными волосами не может выглядеть полноценно в глазах высшего света Таллии, так что побитых девок приходилось новыми заменять чуть не каждый день. А ты попробуй столько гулящих раздобудь ещё...

Одним словом, ощущала себя Киаран под конец высокого визита разбитой, что та склянка.

Но как принц прощаться стал (Киаран, хоть никогда особо богобоязненной не была, думала по их отъезду в маг-храм бежать, поклоны бить да лампадку вешать), попросил о личной аудиенции. Вежливо попросил, можно было даже предположить, что со всем почтением.

Трезвый был, и день, опять же, и свита уже во дворе, самолично любопытствуют, как им коней седлают, потому Киаран согласилась.

Тут, в отцовском кабинете, и открылась причина высокого визита.

Принц Дино Вулго, оказывается, свататься ехали.

Просто сказать об этом обстоятельстве забыли.

Спрашивать согласия Киаран, он, как оказалось, и вовсе не собирался.

Небрежно так колечко с брильянтом с голубиное яйцо да с королевским гербом на стол швырнул, взглядом ошупал, а приблизиться не осмелился.

Радуйтесь, мол, леди Бэхингем, танцуйте. Скоро у вас двойная фамилия будет.

Киаран за шутку восприняла, пудель она ему что ли, по команде танцевать. Первым делом подумала, перстень он ей за утруждение пожаловал. И, поскольку ничего от постылого принимать не могла, но и деньгам счёт с детства знала, думала безделушку продать, а деньги разделить и раздать семьям «временных служанок». Пусть хоть какое-то утешение будет старикам, что шалавы вырастили.

А принц не шутил вовсе.

Скривился, точно у него зуб заболел, говорит, отец-король, мол, меня сюда послали, завоевать ваше расположение, потому, что лучшей королевы, чем Хранительница Морских Врат, по разумению короля, не придумать.

Будет, говорит, дурить.

Перестарком её обзывал и ещё по-всякому.

Вы, мол, леди Бэхингем, единственная наследница герцогства-порта.

Кроме как за меня замуж выйти и не мечтайте.

А откажитесь, помирайте старой девой, не жалко. Только Бэхингем кому передадите? То-то же. Вспомните, мол, что вы – всего лишь женщина, а значит долг ваш первостатейный – размножиться. Порода ваша, ежели в батюшку пошли, плодovита, а значит, подарите Таллии множество крепких и здоровых принцев, как бастарды Морето. Так что возьмите голову в руки уже, по-хорошему прошу. Хватит, мол, корсаром себя мнить да по морям шлаться.

Киаран тогда и вспылила. До рукоприкладства, конечно, не дошло, всего лишь пообещала принцу со всей ответственностью, что пусть он останется единственным мужчиной в мире, а она единственной женщиной и от них лишь двоих единственно будет зависеть возрождение всего человечества, она размножаться скорее пойдёт в орангутангам, что в джунглях Филиппинских островов водятся. Опять же, наследие её не в пример королевского умнее будет. А что красивее – об том и говорить нечего.

Ну а почему она должна была соглашаться?

Любимая папина принцесса – всю жизнь могла делать, что хочется.

А что до замужества, отец когда ещё обещал, что Киаран пойдёт лишь за того, кого сердце выберет. На самом деле, конечно, на рассудок любимой дочери уповал да на торгово-управленческую жилу. Такая, хоть и нравом буйная, а не сплхует.

Принц Дино тогда побагровел от ярости.

С невиданной для этого увальня ловкостью в охапку её сгрёб и к стене прижал. Руки-ноги блокировал, видать, не забыл за столько лет турнир-то.

Глядя в глаза с ненавистью, прошипел:

– Значит, претендуешь на трон, змея?! Раздавлю гадину...

Киаран взгляд выдержала, губы поджала, а чуть хватка принца немного ослабла, плюнула прямо в его мерзкую рожу.

В следующий миг в глазах потемнело, а ноги-руки отчего-то отказали. В себя пришла уже на полу, сидела, привалившись к стене, тяжело дышала. А в голове шумело страшно и висок ныл, точно тупую иглу воткнули.

Вернул, стало быть, ей принц пощёчину.

– Это, дорогая, не обсуждается, – процедил он сверху. – На то воля короля. И молись, дрянь, радуйся, что не я пока король. Потому что ты, тварь, ботинки мне вылизывать недостойна, не то, что рядом на троне сидеть. Ну ничего, у нас будет время исправить плоды преступного воспитания твоего болвана-отца. Месяцы. Может, даже, годы. Ты с виду-то крепкая.

С тем и уехал.

Напоследок так сапогом под дых врезал, что думала, и не отойдёт уже, задохнётся.

И пообещал ещё, что это только цветочки, а ягодки, то есть брачная ночь и все прочие прелести семейной жизни, впереди.

...Дрожащие пальцы нервно сжали письмо перед ней. Только когда на руки упала пара горячих слезинок, опомнилась, принялась распрямлять. Ведь не дочитала же... Да и каждое письмо брата ей дорого.

Нервно оглянулась к его портрету на стене.

Портрет ей Геор прошлой весной прислал.

Смотрел с него на сестру пират-пиратом: косая сажень в плечах, алая рубаха навывпуск, на голове зюйдвестка, а бородища такая густая и чёрная, что и не узнать. Посмотришь на такого – ни в жизнь не угадаешь, что он эдак писать может. Ни дать, ни взять, два разных человека – один на портрете, а второй на почтовой бумаге, что прежде журавликом была сложена. Один – пират, второй – аббат, не иначе.

А всё оттого, что обожает Геор младшую сестру безмерно, ещё больше, чем в детстве, и первым своим долгом всегда считал – леди эту самую в ней воспитывать, утончённую и просвещённую, потому, что по устрашающему виду брата может, и не скажешь, а науку выше всего в жизни ставит. Поэтому и в Новый Свет подался. Туда многие великие умы подались...

– Не смотри так на меня, – помотала головой Киаран, голос при этом предательски дрогнул. – Не смотри! Да, я сама, своей дуростью выкопала себе ловушку! Ещё шаг сделаю – окажусь на кольях, как загнанный зверь! Я наивно полагала, что Дино на меня не польстится и ты сам знаешь тому причину!

Конечно, о том турнире мало кто в королевстве не знал, как и том обстоятельстве, впрочем, что герцог Бэхингем в своей наследнице души не чаёт и в родственных отношениях с его величеством состоит. И о том, конечно, что леди Бэхингем отличается нравом буйным, а где-то даже диким, что не один потопленный корсарский корабль, промышлявший по глупости своей в Талавийском море на её совести.

Дворяне между собой леди Бэхингем иначе, как «морская ведьма» не звали, что также не на пользу матримониальным фантазиям. Будь в Бэхингеме хоть мостовые золотом да камнями выложены, а свататься к леди Бэхингем желающих было не очень-то. Нет, приезжали, конечно, пробовали... Да так и отбывали ни с чем. Киаран замуж точно не спешила.

Запереть себя в четырёх стенах, да ещё и приданное кому-то за просто так подарить? Ну уж это успеется...

Глава 3

Герцогство Бэхингем, месяц назад

К счастью, у меня есть что тебе предложить и помимо рассказов о Новом Свете.

Знаю наверняка, что, если совет бросить Бэхингем, Таллию, большую землю, скорее всего будет встречен тобой в штыки, от такого моя милая маленькая сестрёнка не откажется.

Не буду больше ходить вокруг да около, напишу сразу, как есть.

Так получилось, что мне в руки попал ключ к добыче Морского Дьявола.

Да-да, малышка Киа, того самого, что сгинул за Изломом.

Ты, хоть и маленькая была, а слышала о той экспедиции. И слушала очень внимательно, я помню.

Их было двое: Морской Бык и Морской Дьявол. Им удалось провести королевский флот сквозь Излом и взять на бордаж легендарный корабль-призрак. Несколько лет потом в каждом порту семи морей только и разговоров было, что, судя по тому, что вернулся из-за Излома один только граф де Янн (он же Морской Бык), но вернулся без добычи и сразу уединился на своих островах и ни разу больше не выходил в море, добытое на Изнанке им вывести не удалось. Да и сейчас разговоры эти не утихают, только лишь обрастают новыми, совершенно фантастическими подробностями...

Скажу наверняка: нет, им не удалось вывести добычу!

И никому не удастся, кроме тебя, Киаран!

Ключ поможет тебе пройти сквозь Излом и защитит от гнева Хранительницы. По крайней мере, в первые мгновения.

А потом, уверен, ты разберёшься, что к чему.

Доверять тайну Хранительницы бумаге, пусть и магической, я не могу.

Прежде, чем ты скептически наморишь нос, сообщу, что искать легендарное сокровище следует за Изломом, на Изнанке.

Остров же, опять же, во избежание попадания письма в чужие руки, не назову. Скажу лишь, что путь к нему – в наших детских играх.

Девушка ты умная, образованная,образишь, где и как искать.

Поверь, того, что ты найдёшь, вполне хватит, чтобы начать жизнь с чистого листа в Нью-Терре. Вам с отцом не придётся даже поступаться своими привычками.

Поспеши, Киаран.

Время Бэхингемов в Талли, увы, подходит к концу.

Любящий тебя, Георг Морето.

Какое-то время Киаран сидела, словно пришибленная.

Не знала бы Геора – из этого письма запросто можно было решить, что брат и вправду поредился умом в странствиях.

Призыв оставить всё, вообще всё, откупившись тем самым от короны и покинуть большую землю ради какого-то эфемерного (хоть и, по описаниям Геора, безумно красивого) Нового Света?..

Еще полгода назад она рассмеялась бы, решив, что брат шутит.

И совсем уж детская выходка с этим пиратским кладом...

Мало того, что обещанный «ключ» приложить к письму и не думал, ещё и этот намёк на их детские игры... Мол, на Изнанке на них ориентироваться... Но вообще-то до Изнанки ещё Излом, а известно, соваться туда – всё равно что к Дэйви Джонсу на чай...

Всё это очень, очень непохоже на трезвого, рассудительного Геора.

Из коридора донёсся топот и улюлюканье.

Если не знать, что виной этого шума – детские ножки в лаковых башмачках, можно подумать в замковых коридорах да анфиладах ящеры в догонялки играют.

Следом, прямо под дверью раздалось пыхтение. Киаран улыбнулась. Ручка на двери отцовского кабинета тугая, хоть повисни на ней – не поддастся. Другое дело, если, конечно, вдвоём взяться.

Дверь распахнулась, впуская внутри два рыжих кудрявых вихря, каждый чуть больше метра, но собой ладные и крепкие.

Кудри у них в отца, а рыжий их цвет, как и усыпанные веснушками мордаши и щербатые улыбки – в Дэйзи, горничную. Удивительно даже, что и разменяв седьмой десяток, семья герцога Бэхингема ничуть не теряло в качестве.

Если речь, конечно, шла о бастардах.

Впрочем, после Розалии, мамы Киаран, шестой герцогини Бэхингем, отец и не думал больше жениться, чтобы завести наследника. Зачем? Наследник у него уже был.

И ведь ни болезнь, ни подкравшаяся некстати старость на темперамент и удаль лорда Бэхингема не повлияли.

Оттар и Магнум – два рыжих чертёнка, двадцать седьмой и двадцать осьмой сыновья лорда (и это если не считать умерших в шести законных браках) – лучшее тому подтверждение.

Оба прискакали в кабинет отца на палках с лошадиными головами и мочалкой вместо грив.

– Тучи, тучи, тучи, тучи!

Скачет конь большой, могучий!

Через тучи скачет он!

Кто не верит – выйди вон! – Оттар уверенно теснил брата к стене, подальше от Киаран, но Магнум и не думал сдаваться.

– Царь,

Император,

Кайзер,

Король,

Великий шах,

Фараон.

А ты выйди вон —

Ты даже не барон!

Рыжие дьяволята за считанные секунды опрокинули комод, стянули со стола вазу с засахаренными орехами, половину рассовали за щёки, как хомяки, остаток весело заскакал по полу, а также растащили небольшие, но довольно увесистые чугунные цилиндры для тренировок.

Словом, разнесли половину покоев и разгладили вертикальную морщинку между бровей Киаран.

Выясняя, чей конь лучше и награждая друг друга тычками и подзатыльниками, стали ластиться к старшей сестре, заглядывать на стол, корчить рожицы.

И ведь знают, бесята, что пока леди читает письмо от брата Геора (которого, конечно, не видели ни разу, но слышали предостаточно), беспокоить её нельзя, но усидеть не смогли.

Во-первых, после письма Киаран обычно пересказывает его чудные рассказы о дальних странствиях, во-вторых... Во-вторых, у неё в комнате столько оружия! И пусть половина – тренировочного (в память о Георе расстаться с лёгкими мечами и саблями для девчоночьей руки Киаран просто не могла), но их, учитывая нежный возраст (на той недели четыре года стукнет), понятно, и к такому не подпускали...

– Ну сто? Ну сто?

– Сто Геор писет?

Киаран задумчиво взлохматила рыжие макушки и легонько щёлкнула по одинаковым облупленным носам пуговками.

– Геор приглашает нас к себе... В Новый Свет.

Восторженный вопль служил несомненным доказательством, что приглашение старшего брата милостиво принято.

– А сто такое Новый Свет? Далеко он? Прямо сейчас поедem? А коней с собой взять можно? – из мальчишек вопросы сыпались, как горох из прохудившегося мешка.

– Коней – можно, – уверенно сказала Киаран, бросив взгляд на брошенные посреди комнаты палки. Это был единственный ответ, в котором она не сомневалась. Впрочем, нет. Не единственный. – А поедem, похоже, совсем скоро. Отца только дождёмся...

Как ни печально это сознавать, но Геор прав. Дино не отступится. Тем более, что теперь он стал королём, и, как его вассал (было уже известно, что герцог Бэхингем присягнул Дино Первому из рода Вулго в верности) отказать ему, она, Киаран, не имеет права.

Ничего. Границы Бэхингема отлично укреплены, без её согласия на территорию герцогства и мышь не проскользнёт. Так что будь там хоть дивизион вооружённых до зубов наёмников с Саэрских островов, бой они и им дадут. Киаран не зря самолично все заставы объехала, проследила возведение дополнительных укреплений, с командующими беседы провела... Всё у неё в отсутствии отца идеально. Лорд Бэхингем может гордиться наследницей.

А когда отец вернётся, а будет это буквально со дня на день, будут вместе совет держать. То, что герцог сходу план Геора дуростью окрестит, в этом можно даже не сомневаться. Нипочём отец не согласится землю предков покинуть.

А что если не будет больше этой самой... земли предков?

Если Дино просто-напросто отберёт её, несмотря на все заслуги Бэхингемов перед короной?

После того, как принц уехал, Киаран его подарок воздушной почтой вслед отправила. И многое отдала бы, чтобы рожу его увидеть, когда по возвращению первым делом кольцо, в Бэхингеме оставленное, у себя в опочивальне обнаружил.

Последующее за этим приглашение явиться ко двору она проигнорировала.

Как и три последующих, написанных в весьма гневной форме и крепких выражениях.

А там отец вернулся и сам сразу в Королевскую Бухту направился. Да строго-настрого наказал не покидать герцогства...

Неизвестно ещё, что отец за вести привезёт.

Может и вправду позволит ей за добычей Морского Дьявола отбыть. От греха подальше...

Но вот что непонятно – где же ключ, о котором Геор пишет... Неужто кто-то магическую почту перехватил?

Киаран нервно побарабанила пальцами по столу.

Стоп!

Какая же она дура!

Всё недоумевает, о каком ключе речь. Ведь Геор зря писать не будет.

На шее почтовой чайки была лента повязана! Где она? Не стал бы брат вязать её просто так... Да вот же, сама скомкала дрожащими руками и в ящик стола сунула.

Красивая...

И как будто рисунок на ней ручной работы, специальной краской нанесён. Совсем свежий... Вон, как будто ещё узор под ним просматривается... Который исключительно от плетения. На национальный узор похоже. Только, понятно, не таллийский.

Такая уж у них с Геором завелась традиция, куда бы брат ни направлялся, присылал ей местные принадлежности для причёски: черепаховые гребни, заколки, палочки, вон, опять

же, в павлинах, теперь вон лента... Всё шутил, что рано или поздно, а заставит её волосы укладывать по-взрослому и как леди полагается.

Но присмотревшись к ленте повнимательнее, поняла, что на этот раз это не просто подарок. А тот самый ключ, о котором Георг писал, и есть.

Грохот ударил внезапно, даже будто земля затряслась, замок ходуном заходил. Графин и бокалы на столе жалобно зазвенели.

Рыжики тут же забыли об очередной шалости, с двух боков к ней прильнули. Глаза таращат, носы смешно сморщили, дышать боятся.

Первое, что в голову пришло – землетрясение.

Киаран уже к подоконнику кинулась, под которым веревочная лестница была спрятана. Выдержит троих, крепкая. Только хорошо бы мальцов обвязать...

А потом, когда к грохоту прибавились зычные крики лужёных глоток, а также вопли и хрипы, стало понятно – не землетрясение никакое.

И точно: замок тут же дрожать перестал, только графин, подъехавший во время тряски к краю стола, рухнул с него и разлетелся со звоном на тысячу осколков.

Не успела Киаран братишкам строго-настрого наказать, чтобы прятались и сидели тихо, как мыши, пока она или Лина не придут, а на вопрос, а мечи с собой взять можно, серьёзно ответила «можно», как Лина, няня близнецов на пороге нарисовалась.

Покрасневшая, растрёпанная, видать быстро бежала.

– Гвардейцы! – с порога завопила она. – Они повсюду... В замке!

– Королевские гвардейцы? – переспросила Киаран, чувствуя, как в животе всё сжимается от страшного предчувствия беды, а сердце колотится, как бешенное. – Ты уверена?

Откуда здесь взяться гвардейцам? Как?!

Лина, трясась, сотворила в воздухе символ Молчаливого бога и посмотрела затравленно.

– Запритесь в моей спальне, – приказала Киаран. Речь её стала резкой, отрывистой. – Под подоконником в секретном ящике лестница. Вываливай наружу, хватай обоих мальчишек и беги со всех ног. Не в лес. Там искать в первую очередь будут. К деревенскому кладбищу. От него к реке. Обувь снимете, как вверх по реке пойдёте. До Никотии – там у тебя тётка, кажется? Вот, возьми, – Киаран нервно стаскивала с пальцев кольца и доставала серьги из ушей. – Оно всё маленькое, а стоит дорого. Береги детей. Я вас найду. Ну, что рот открыла?

– А как же вы, леди?

Киаран хмыкнула, сняла со стены кривую саблю. Затем повесила обратно. Выбрала меч.

– Я справлюсь.

Видя, что Лина, похоже, намерена устроить им шумные проводы, со слезами и подвыпаниями, как полагается, закатила дуре пощёчину.

Помогло.

Лина только икнула и глазами захлопала.

Киаран порывисто прижала её к себе, обняла, повторила шепотом «детей береги» и втолкнула в комнату.

Спускаясь по широкой лестнице, одной рукой вплетала ленту в волосы, во второй сжимала меч.

Отовсюду раздавались крики и топот.

До приёмного зала Киаран так и не дошла.

Отряд из королевских гвардейцев встретился на полдороге. Среди синих мундиров навзятжку затесались какие-то в серых плащах с капюшонами. Маги? Их в Бэхингеме не жаловали. И что-то подсказывало, правильно, правильно, что не жаловали.

Второй отряд со спины зашёл.

Плохо. Очень плохо. Даже мечом толком не размахнёшься. Да и что один меч против целой толпы, что и спереди, и сзади?!

Как их, зелень подкильная, угораздило замок наводнить? Обойти охрану, опять же... Эти что же, стояли-смотрели и никто даже зазвонил?! Чушь! Сойтись ей якорями с самим Дэйви Джонсом, с заставы точно весточку прислали бы... Опять же, путь от заставы неблизкий, чтобы королевские гвардейцы проехали через всё герцогство незамеченными?..

Чувствуя себя загнанным в западню зверем, Киаран окинула высокомерным взглядом ухмыляющиеся рожи в синих мундирах и спросила невозмутимо:

– Чем могу помочь, господа?

– О как! Попалась, дочь изменника! – раззявил в отвратительной улыбке рот гвардеец, что стоял ближе, с изрытым оспой лицом и чёрными пятнами на камзоле. – А вы говорили, парни, спрячется.

– Мне не от кого прятаться в своём доме, – сказала Киаран таким тоном, что гвардеец невольно подался назад. – Повторяю вопрос. Чем могу вам помочь.

– Это, леди, как посмотреть, – гвардеец подмигнул и потрянул перед её носом исписанным размашистым почерком листком с королевским гербом на нём. – У нас приказ арестовать вас, леди Бэхингем, взять под стражу и немедленно доставить ко двору.

Киаран пожала плечами.

– Если его величеству нужно, чтобы я прибыла ко двору, достаточно было пригласить. Конечно, господа, я поеду с вами. Могу я собрать в дорогу вещи? Вас в это время ожидают пунш и закуски.

Судя по грохоту и крикам, раздававшихся со стороны кухни в том числе, гвардейцы сами «предложили себе закусок».

– Вы не поняли, леди, – отвратительно ухмыльнулся гвардеец. – Мы не приглашение на бал привезли, а приказ об аресте.

В этот миг тупая боль пронзила затылок, а перед глазами померкло.

Часть II. Жестокая сказка Киаран

Глава 4

Королевская Бухта, чуть меньше месяца назад

Щёку обожгло болью, но всё же не настолько обожгло, чтобы глаза открыть. Веки слишком тяжёлые, точно свинцом налиты. И лицо горит... Как и всё тело.

Следом в лицо плеснули. Таким холодным, словно прошитым ледяными иглами. Ссадины, порезы зашипели нещадно, а глаза ничего, открылись. А потом каменный пол перед глазами качнулся, и, подчиняясь воле чьей-то руки, что за волосы сзади взяла, Киаран подняла взгляд на палачей.

Их было дворе – толстый и тонкий. У тонкого лицо садиста, но есть в чертах что-то от интеллигенции, что делает его, впрочем, ещё гаже. Толстый же с небольшим горбом и совершенно звериной рожей. Такой приснится – кроватью не отмахнешься.

– Кто вы? – спросил, обнажая гнилые пеньки зубов тонкий, что с жидкими патлами и восковым лицом. Страшный, как смертный грех, или как череп, обтянутый кожей.

– Я – Киаран Бэхингем, – прохрипела Киаран, дивясь, что до сих пор не сорвала голос от крика. – Единственная законная наследница герцога Бэхингема, леди Бэхингем. Хранительница Восточных Морских Врат королевства Таллия.

Хлёсткая пощёчина отбросила голову назад, а затем цепкие пальцы вернули лицо обратно, ухватив за подбородок. Киаран изловчилась и впилась в эти самые жёлтые, будто прокопченные пальцы изо всех сил.

Под зубами захрустело, рот наполнился густым и солёным.

Удалили кулаком, прямо в губы. Обозвали тварью зубастой и гадиной.

Тряся прокушенным пальцем (эх, жаль, не откусила) и бешено вращая глазами, палач повторил вопрос.

– Бэхингем, – Киаран сплюнула густое и солёное. – Моя фамилия и моё герцогство... самые древние в Таллии. С Бэхингемов Таллия и началась, переименованная непосредственно в Таллию спустя пятьсот лет с момента основания... во время правления короля Арктура.

Удалили снова. Киаран давно отупела от измождения и боли, но с завидным упрямством продолжала повторять то, что так настойчиво пытались из неё выбить.

На этот раз спросил толстяк. Отвратительный и одутловатый, покрытый бородавками, как старая жаба.

– Кто ты, дрянь?

– Через Бэхингем лежит выход на торговые пути с Магридом. Оттуда мои корабли везут пряности, шелка, специи, чай... камни, – глаза Киаран закатились, но следующая порция воды, выплеснутая в лицо, помогла остаться в сознании. Она продолжила с того же места. К тому обстоятельству, что отвратительные лица палачей сменили другие, учителя истории и торгового дела, которые нелепо смотрелись в сырой, пропахшей кровью и испражнениями пыточной, отнеслась философски. Ну надо здесь что-то почтенным Таяну и Корвену, эка невидаль. – А также с Нью-Висконтом и Эрдэсом. Оттуда возим в Таллию овечью шерсть, серебро, золото. Моё герцогство – главный и стратегически важный порт, приносящий в казну более одной четвёртой всего дохода.

– Ты кого подкупить задумала, тварь?! Нищая сбрендившая девка. Кто ты?!

Киаран попыталась сфокусироваться на холёном, привлекательном лице Таяна, искажённым отчего-то злобой и ненавистью к ней, к Киаран. Следом пришли воспоминания о пытках

и побоях. Правда, и лица учителей растаяли в воздухе, вернулись отвратительные рожи истязателей.

Коротышка нехорошо покосился на дыбу и всё внутри Киаран сжалось. Только не дыба, нет... Хватит ли у неё мужества и упрямства не признать того, чего от неё добивались. Что она – никто. Изменница и дочь изменника. Потерявшая земли, корабли, титул, имя... вообще всё.

– Кто ты? – повторил толстяк, направляясь к дыбе. Не глядя на Киаран, любовно похлопал отполированные несчастными предшественниками леди Бэхингем доски, провёл крючковатыми пальцами по проржавевшим цепям.

Не в силах оторвать взгляд от покатых плеч и горба толстяка, Киаран проговорила:

– Леди Киаран Бэхингем. Единственная законная наследница герцога Бэхингема. Помимо меня у отца двадцать восемь сыновей. Четверо, старшие – королевские капитаны, герои войн, корсары, те, что помладше, пажи, виночерпии и оруженосцы во влиятельных домах, трое – близнецы и ещё один – совсем малютки, в настоящий момент находятся в замке, в герцогстве Бэхингем. Семеро – защитники королевства Таллия, братья ордена Тигриного Когтя...

Запнувшись, она начала дрожащим голосом перечислять их имена.

– Она двинулась умом, – скривившись, точно у него заболел зуб, худой. – Сломалась.

– Ничего, щас на дыбе растянем, мигом в разум войдёт. И в измене признается, никуда не денется.

– Что-то сомневаюсь. Я таких упрямых сроду не видывал, а сам знаешь, кого у нас в гостях только не было. Приказ ведь не калечить и не уродовать. А как ещё из дурной бабы признание выдернуть? Их светлость сами бы попробовали.

– И не говори, какая уж тут работа, в таких условиях-то. Ноздри ей вырвать бы, уши, как свинье, отрезать, а после дать на себе полюбоваться в зеркало. Мигом бы от прежнего имени отеклась.

– Так может...

– Я те щас самому уши отрежу и жрать заставлю. Приказано – не уродовать, значит не уродовать. Помоги лучше на дыбу снести. Сама не дойдёт, поди.

«Сейчас меня развяжут, – медленно, как тянучка ползли мысли Киаран. – Развяжут. И я им покажу...»

Не показала.

В себя пришла от острой боли в плечах и бёдрах, а ещё от чьего-то истошного крика, в котором мгновением позже узнала свой собственный.

– Кто ты?! – практически рычал над ней палач и Киаран начинала быстро-быстро шептать историю своего рода, своей семьи, герцогства Бэхингем...

Звуки собственного голоса странным образом успокаивали, тянули за собой в спасительную чёрную и пустую глубину.

Киаран следовала за ними, и даже ледяная вода больше не могла заставить её поднять веки.

Сверху раздавались голоса палачей, они спорили и бранились, в основном на неё, на Киаран, только звали её вовсе не леди Бэхингем, а грязной девкой и изменницей.

Но чёрная глубина на проверку оказалась не такой и глубокой. Не то, что утонуть – и поплавать толком не поплаваешь.

Вместо благословенного забытья она снова оказывалась в замке, приходила в себя со связанными за спиной руками и колодками на ногах.

Её снова поднимали за волосы и тычками в спину и плечи гнали по собственному замку.

На середине лестнице она споткнулась, скатилась вниз кубарем.

А неловко растянувшись на вычищенном до блеска полу, в неприятных бурых разводах впервые закричала, срывая голос.

Оттар и Магнум, рыжие чертята, лежали у подножия лестницы и невидящими глазами тарасились на морские сражения, лепниной выложенные на потолке. На животах у обоих расплывающемся бурому пятну. Тут же застыла скрюченная, с перекошенным от боли и ужаса мёртвым лицом Лина. Если мальчишек просто проткнули насквозь, как цыплят, то няньку изрубили, надо думать, за попытку к бегству. Киаран и не узнала бы её, если бы не платье.

Тут рассудок помутился, точнее вообще покинул Киаран. А инстинкты, надо думать, обострились. Потому что вскочила и прыгнула на ближайшего гвардейца, непонятно откуда силы взялись. Развернулась в воздухе перед самым его носом, колодками на ногах в рожу заехала. Повалила на пол, сама сверху грохнулась и сдавила горло цепью, что между колодками. Оттащили. Били после все вместе, сапогами по рёбрам, лицу, животу.

Однако главный разогнал всех и её дальше поволокли.

Как она поняла из разговоров – наказано было пешком гнать. Да только гвардейцы-то перестарались, идти ей в таких обстоятельствах пришлось бы долго. В итоге отбивала и без того отбитые рёбра, переброшенная через о седло.

Хорошо ещё на ящиках прибыли, те плавно идут, да и спины широкие. А ну как на конях бы – не дожить бы ей таким манером даже до королевского тракта.

А когда по королевскому тракту к крепостным стенам подъезжали, ей за волосы голову приподняли.

– Смотри, гадина, – раздалось сверху. – Хорошо смотри, никого не пропустили?

И следом заржали, загоготали.

Сначала Киаран не поняла толком, чего от неё хотят.

Ну, столбы вдоль дороги с табличками, ну, написано на каждой *«семя изменника»*. Понять бы ещё, что это значит. А потом пригляделась, сощурившись, больно уж солнце глаза слепило, к странной форме столбов. Поверх каждой таблички находилось по круглому предмету, с которого на землю капало. Размером с кочан капусты или, скажем, с мяч для детских игр.

А когда поняла, что то не мячи вовсе, и уж точно не капуста, а головы братьев... всех, вообще всех... вместо того, чтобы заорать не своим голосом застыла, как в забытьё впала.

Только тихо-тихо проговаривала вслух каждое имя, словно самой интересно было – узнает или нет?..

Абель... Ивис... Блэй... Джордж... Тиан... Гектор... Лео... Трал... Бруно... Брендон... Хавьер... Кирилл... Вилфорд... Гленн... Пьер... Густав... Алекс... Джон...

А потом имена закончились, потому как на последнем столбе голова отца покачивалась, от ветра. И имя лорда Бэхингема Киаран произнести отчего-то не смогла.

Дальше смутно помнилось.

Допрашивали, били. Заставляли вслед за отцом-изменником в измене покаяться.

Как-то постепенно выяснилось, что из тех битых осколков, которых край к краю сложить пытаешься, что, оказывается, как будто от болезни отец помер, правда, успел покаяться, сознаться, что в заговоре против молодого короля участвовал. Судили уже посмертно. Присудили понятно что: земли герцогства Бэхингем, вместе с кораблями, постройками и всем имуществом изъять в пользу казны. Кто бы сомневался.

Но Киаран решила сдохнуть, а в измене не сознаваться. Пусть они об её спину все кнуты измочалят, не дождутся её признания.

Что-то внутри неё умерло, исчезло безвозвратно. Точнее, если в таком ключе сопоставлять – что-то, несмотря ни на что, до сих пор оставалось живым. Билось, захлёбываясь от ярости и ненависти, скалилось, рвало душу изнутри и потому расстаться с телом ей не давало.

Боли не было. Только снаружи. Но разве это боль? Если во всю глотку орать, прям изо всех сил, то и вовсе об этой боли забыть можно... Главная боль, та, что изнутри рвёт. Там сильно болело, особенно, когда вспоминала, что изверги и Джереми не пощадили, месячного младенца...

Жутко было по королевскому тракту ехать и на головы братьев смотреть. Вот только с каждым произнесённым именем жуть эта отчего-то не прибавлялась, а наоборот, уменьшалась чудным образом, к отцу её и вовсе не осталось.

Но зияющую пустоту эту, что жуть после себя оставила, затопила бурлящая, жгучая, неистовая ненависть! Такая ледяная, что обжигала изнутри. Ни сдохнуть, ни признаться в измене не давала!

Пусть язык рвут, как грозились, пусть пальцев лишают, не признается она!

Не признается.

Якорь в их поганые глотки, да мачту в зад, а не признание леди Бэхингем!

Боль в суставах как-то сама-собой закончилась и Киаран подумала уже было, что должно быть, дошла до своего предела. Сильнее болеть не может, вот оно и не чувствуется.

А потом поняла – другое.

Оба истязателя принялись вдруг кланяться до земли, загомонили, залебезили, и боком, боком, из-под обзора Киаран попятились.

Вместо них новый появился.

Ухмыляющийся, мерзкий, в короне.

Глава 5

Королевская Бухта, чуть меньше месяца назад

– Ну и запах, – поморщился бывший принц. – И отец хотел, чтобы я *это* на трон возле себя посадил.

Киаран промолчала. Тут вообще-то и до неё не розами пахло.

С интересом и брезгливостью её разглядывая, король приблизился.

Важный, оплывший, с гладким двойным подбородком и печатью всех возможных пороков на лице.

Протянул руку к щеке и Киаран отпрянула. Ещё подивилась, откуда силы взялись, ведь только что буквально еле-еле понимала, где она и кто. А ещё подумалось – хорошо бы всё же сдохнуть. Вот прямо сейчас. Не дать ему до себя дотронуться.

И тут же внутри как пружина разжалась. Во всех местах сразу заболело. Словно сигнал: только попробуй сдохнуть, только попробуй! Пока за отца, братьев и герцогство не отомстишь и не думай даже!

Даже сама поморщилась. Так некстати провидение вмешалось.

А потом поняла: никакое это не провидение было. Просто его величество шёку трогать передумали, за разбитую губу взялся, вниз потянул. Вот боль во всём теле и откликнулась.

Что-то, а своё дело палачи знали. Чем-то таким раны посыпали, что те не затягивались, и это ещё б полбеды. Но стоило в одном месте заболеть, как сразу во всех местах откликалось.

– Молчишь? – прошипел его величество, склоняясь к самому её лицу. – Не сквернословил бы больше? Ядом не плюёшься?

Ну, если вам так неважно, то это мы запросто.

И плюнула (жаль, не доплюнула), и пару словечек крепких хрипло прибавила. И только потом, когда король заругался и принялся звать кого-то в бранных выражениях, в темноту провалилась, и так в этой тьме славно оказалось, что решила уж было, что всё. Умерла.

Пробуждение было внезапным и удивительным.

В том смысле, что удивило очень, одним лишь своим наличием.

А когда рывком села и огляделась, оказалось и вовсе каким-то нелепым. Начиная с кровати, или даже правильнее сказать, с ложа, на котором лежала, с балдахином и занавесками, сквозь которые остальные покои проглядывались, заканчивая тем, что на теле ни одного синяка или пореза не оказалось.

Сообразив, что не только отметок о «посещении» пыточной нет, но и вообще ничего нет в контексте одежды, быстро в покрывало замоталась. Тонкое, алое, собственно, как и всё здесь.

Комната, которую получше разглядела, отёрнув занавеску, была шестиугольная, как ячейка в сотах и пустая, а ещё вся в алых тонах. На стенах оттенок чуть бледнее, спинка ложа и деревянные колонны, на которых балдахин держится, красного дерева, занавески алые, чуть не огнём кусаются.

Собственно, это ложе, на котором в себя пришла – и вся мебель.

Не до конца веря в то, что это всё не сон, Киаран, морща лоб, огляделась.

Подушки с кистями, валики, пуфики – ну просто тьфу. Пошло и помпезно.

Но когда и, главное, как, сырое и затхлое подземелье с дыбой и прочими пыточными нюансами в эдакий будуар превратилось?

В высокое продолговатое окно, больше на щель похожее, видно было небо и косяк диких гусей.

Шелестя покрывалом, Киаран подбежала к окну и выругалась сквозь зубы. Решётка на нём оказалась крепкая, чугунная, внизу какой-то внутренний двор. Судя по белым колоннам

беседок и белым же скульптурам, она всё ещё во дворце. А если судить по расстоянию до земли – в высокой башне.

Стало быть, с нижнего этажа на самый верхний переехала. Эко она быстро... Сама не заметила, как.

Заметалась в поисках более подходящего облачения. В сундуке у стены нашлись какие-то тряпки... только... Только вот это самое покрывало и то больше прикрывало, так что пере-вязала потуже узел над грудью и стала думать, пытаться хоть что-то вспомнить, как она здесь оказалась и почему кожа вдруг снова чистая и гладкая, как у младенца. Ни даже следа от плети или калёного железа...

В голову пытались лезть картинки-воспоминания о кольях, табличках с надписями... но эти мысли Киаран решительно отогнала. Это всё потом. Сейчас главное понять, что вообще происходит?!

Ответ не заставил себя ждать.

Вошёл уверенной походкой, в напудренном добела парике, белом, расшитым золотом камзоле. Одутловатое, ничем не примечательное лицо, гладкий двойной подбородок, глазки маленькие и злые, нос тонкий, длинный, с горбинкой.

Взгляд, которым король Дино Первый окинул Киаран, был липким, тревожным. И от всей его медвежьей фигуры тревогой веяло.

Сразу в приторно-алом будуаре пыточной запахло.

Смутные, призрачные воспоминания в голове завозились.

Как её с дыбы снимают, несут куда-то... Ничего не видно, но дышать как будто нечем, очень уж горячо и пара много. Всё тело жжёт, нестерпимо жжёт, а её поливают между тем чем-то густым и горячим, и цветочные запахи ноздри щекочут. Из-за этих цветов, она, кажется, и решила тогда, что сон, больно уж после запахов пыточной оно странным казалось. Ещё подумала, бредит.

Но сейчас, как вспомнила, в голове всё окончательно сложилось.

Ни тени сомнения не осталось, почему его величество в живых её оставил.

– Побрезговал, значит, на дыбе, – нехорошо ухмыльнулась Киаран и встала, широко расставив ноги, чтобы бить, так уж наверняка. Зря его величество с ней наедине остался. Хоть тело и ватное, слабое, ну да много ли этому увальню надо... С ней теперь всё понятно – живой ей отсюда не выйти... Ну, как живой. Живой она себя с королевского тракта не ощущала. В полной мере. Но прежде, чем окончательно уйти, она за отца и братьев, особенно за меньших, Дино Вулго зубами глотку перегрызёт...

– А ты глупее, чем кажешься, – пожевав губами, сказал Дино и щёлкнул пальцами.

В тот же момент алые занавески, что на стенах, вверх вздёрнулись, а Киаран оказалась под прицелом пяти лучников.

– Слишком в себе уверена, всегда была такой. Недооценила меня, гордячка. Ни тогда, когда я по-хорошему руку и трон тебе предлагал, ни сейчас. Ты думала, мы прибыли к тебе в гости вина попить да служанок облапить? А между тем среди моих людей такие были, кто в охранные чары твоего замка кое-что от себя прибавили. Немного совсем, вы и не заметили. А нам хватило. Чтобы порталы прямо в замок провести. И взять тебя, тварь, тёпленькой. И живой, – при этом король плотоядно усмехнулся.

Пока он говорил, Киаран прикидывала в уме, что, если всё же прыгнет... И сама себе ответила: без шансов, совсем. Даже не долетит до врага. Но вслух, конечно, другое сказала.

– А ещё я быстрее, чем кажусь. Приближаться не боитесь, ваше величество?

У Дино глаза кровью налились, забегали. Стало быть, попала в цель. Боится к ней подходить.

– Если тебе так не терпится умереть...

– А я итак уже мертва, – говоря это, Киаран страшно оскалилась. – Чего мне терять?

Дино губами пожевал, словно соображал, о чём это она.

– А, ты думаешь, что твоей голове тоже на столбе место?

– А разве нет?

Король важно пожал плечами.

– А зачем? Чем ты мне опасна? Дочь изменника, который в измене своей сознался. За то и получил справедливое возмездие: казнь для него и всего его семени.

Киаран сделала было шаг, осторожный, но в тот же миг перед носом вжикнуло, даже пощекотало пером и Киаран отпрянула. Оглянулась – стрела рядом с другим лучником в стенку впиалась, а он ничего, даже не шелохнулся.

– Ну так это я – его семья и его наследница. Меня надо было убивать, *меня!* Причём здесь... – и осеклась, голос сорвался.

– Отец твой умом был слаб, – поморщился Дино. – И тебя воспитал с придурью. Слишком много ты о себе возомнила. Сама же – как есть девка, грелка для постели.

– Для этой? – Киаран головой в сторону ложа под балдахином махнула. – Так пойдём. Разве не для этого я здесь?

Дино рассмеялся. А глаза серьёзные оставались и злые.

– Нет, Кира, – сказал он. – Думаешь, я настолько глуп? Сама со мной ляжешь. Послушной будешь. Ласковой. И свидетели нам ни к чему. Слово дай, что всё сделаешь, что прикажу.

– А если нет? На нижний этаж?

Король не сразу понял, о каком она нижнем этаже. Прав был Геор, ума новый король был недалёкого. А когда дошло, наконец, рукой махнул.

– А зачем? Признание получено, Бэхингем принадлежит короне. Отныне ты – так, нищая девка, годишься только на одно. Тебя заклеят, как гулящую и отправят на рудники. Будешь искупать преступление своего отца в колониях.

Киаран пожала плечами, покачала головой.

– Не советую отпускать меня, Дино. Один раз я одолела тебя на турнире, так вот знай. Вся Таллия у моих ног будет. Как ты тогда. И последнее, что увидишь в жизни, будет лезвие моего меча.

Дино рванулся было к ней, и у Киаран всё внутри затрепетало от радости. Сейчас! Сейчас она раздавит это паскудное насекомое, и сама, наконец, отмучается! Конечно, её за короля на лохмотья порвут... Но она уже была в пыточной. Не так там и страшно. И ничто не может длиться вечно.

Король замер на полпути.

Побагровел, задохнулся от гнева.

Только одно слово и выдохнул:

– Сука, – а потом заорал не своим голосом: – Сюда!!!

– Знакомые лица, – осклабилась Киаран, когда оба палача вошли. Высокий и худой, как все люди, а коротышка задом пятился, тянул вслед за собой что-то тяжёлое и грохочущее.

Когда развернулся, это оказалось жаровней. А гремели на чугунной скобе какие-то клещи.

– Давно не виделись... – прошептала побледневшая Киаран.

Длинный поморщился, а толстяк со звериной рожей осклабился, даже подмигнул. Правда, перехватив взгляд его величества тут же сделался серьёзен.

– На кровать её, – приказал его величество.

И тут Киаран уже не до лучников, в грудь ей целившихся, стало. Билась, как в последний раз. Собственно, по её мнению, так оно и было. Всё норовила к монарху подобраться – оттеснили. Лучники побросали свои орудия, впятером на неё пошли. Если палачей считать, то всемером.

Будь она не так измощена пытками... выстояла бы куда дольше.

А так спустя каких-то пару минут скрутили, хоть и сопротивлялась, как пантера. Думала, Дино при всех... насильничать станет.

Он не спеша подошёл. Осмотрел мерзко. Покрывало-то сразу слетело, как руками-ногами махать начала, по всей заморской науке... Жаль только, без толку. А когда блудливыми пальцами по груди прошёлся, сдавил, ущипнул до боли, поняла: никакая она не мёртвая. Наоборот, ещё живее стала! Живее всех живых! И то, что Дино ей уготовил, это самое худшее, вообще, из всего! Мало было всего её лишить, так ведь эта мразь и честь отобрать вздумал.

Что такое лишение чести после того, что на королевском тракте было?

Пшик один.

Что такое насилие после пыточного подземелья?

Смех.

Но вот как это, оказаться в непосредственной близости от чудовища, самого злейшего, самого ненавистного врага... Воплощения зла, ненависти, боли...

Никогда ещё Киаран так страшно не кричала, даже под пытками. Ревела раненым зверем, выла, орала, будучи привязанной за руки и ноги дрыгалась и дугой выгибалась так, что даже ложе красного морёного дуба ходуном ходило.

Дино, тот сразу отпрянул, глазами бешено завращал, губами зашлёпал. Заругался на чём свет стоит.

Остальные плевать на плечи стали, суеверно лба касаться.

В перерыве между криками, когда дыхание переводила, Киаран отчётливо слышала суевый шёпот.

– Бесноватая...

– То демон в неё вселился! Он как корчит-то!

– Ваше величество, вы бы не рисковали... А ну как *оно* и на вас перекинется?!

– Храмовников, храмовников сюда!

Киаран, как расслышала, о чём толкуют и вовсе завывала, закорчилась. Пусть уж прирежут, да только чтобы больше мразь эта её не касалась. Одно страшно было – силы иссякнут, и что тогда? Потому билась на ложе так, словно каждую лишнюю секунду отвоёвывала.

Она не заметила, как Дино, сплюнув, подал приказ палачам.

Тем хоть и боязно было подступиться к бесноватой герцогине, а всё же пришлось.

Один в плечо впился костлявыми пальцами намертво, второй, пошерудив какой-то железкой в жаровне, с рыком к плечу раскалённое докрасна железо приложил. Запахло палёным мясом и теперь кричалось уже от боли.

Прежде, чем покинуть «красную комнату», Дино низко над её лицом склонился и прошептал:

– Значит, король для тебя недостаточно хорош, бесноватую изображать вздумала, дрянь?! Ну так гнить тебе заживо, на рудниках! Знаешь, сколько там желающих найдётся на твоё крылышко? Сотни! И все с чахоткой и сифилисом!

И в дверях ещё раз обернулся.

– Думаешь, тайна для меня, что на смерть нарываешься? Да только хуже смерти тебе – жить и знать, что если бы не твоя спесь, живы были бы – и отец и братья. Живи, сука и знай, что своими руками двадцать осемь душ загубила.

Вскоре за ней пришли.

Под прицелами стрел развязывали, опасались, что демон, что в опальную герцогиню вселился, вернётся.

Только он и не думал возвращаться после того, как его величество ушли.

Более того, голос тоже пропал.

На вопросы, тычки и издевательства Киаран только сипела. Точнее, шипела, злобно, как кошка. А скорее, как чёрная пума.

Дерюгой, которую на пол бросили, не побрезговала. Облачилась в некое подобие мешка, верёвкой подпоясалась.

Когда руку в дыру сбоку, что вместо рукава просовывала, скрежетнула зубами от боли. Свежее клеймо горело и кровоточило. А ещё светилось, зная магическим железом прижгли. Такое не выведешь, не закрасишь, одеждой не спрячешь: будет светиться, хоть чугуном плечо прикрой.

Чтобы все знали: перед ними преступница. Воровка или проститутка. Совершившая что-то тяжкое. Только за душегубство магическим железом жгут.

Не протестовала, когда кандалы на руках и ногах защёлкнули и в шею по винтовой лестнице погнали.

Страшно было очень, что Дино передумает.

А вот каторги ничуть не страшилась.

...Босую, полуголую, в кандалах наследную герцогиню Бэхингем прогнали по главной улице, ведущей в порт.

Толпа, что стражники теснили к домам по краям дороги, бесновалась, как давеча сама Киаран. Сыпала камнями и проклятиями.

Несколько раз она падала. Тогда оскорбляли больше, били, но несильно. Чтобы нести или волоком тащить не пришлось.

Когда до порта добрались, стало получше. Хоть следом от натёртых кандалами да сбитых ног кровавые следы тянулись, а всё же смешалась с толпой каторжников, дикого вида, грязных, нечёсанных, в струпьях и язвах, и внимание «проводящих» рассредоточилось.

С каторжниками и погрузили на корабль, которому надлежало везти Киаран Бэхингем, наследную герцогиню и дочь изменника, на рудники.

Присказка от Кильки

Добавлена единственно потому, что Киаран о том времени сперва мало что помнила и мало что могла рассказать, а потом сразу недосуг стало...

Глава 6

Талавийское море, меньше месяца назад или что-то вроде того (когда под ногами палуба, а каждый день похож на предыдущий, как капли воды, отсчёт времени совсем другой)

По лазурным водам Талавийского моря неспешно шла трёхмачтовая каракка. Обходила одинокие скалистые островки и шхеры, умело лавировала в бурю и непогоду, чуть не плашмя ложась на высоких, с пенными макушками, волнах. Но ничего, выруливала, и в скорости до определённого момента не теряла.

До того, как встречный ветер подул...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.